

Автор – Наталья Демчик
8 906 720 48 44
demchikn@mail.ru

НАТАЛЬЯ ДЕМЧИК

РОСКОШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Комедия в двух действиях

АННОТАЦИЯ

Роли: 6 жен., 1 муж.

У богатых свои причуды, вот и возомнил себя миллионер из королевства Сан-Мартино вторым Львом Толстым. Для творческого вдохновения «одинокому тульскому ковбою» мистеру Кингу не хватает малого — Музы. Но для того, кто владеет миллионами, это не препятствие. Объявлен необычный кастинг, и героини пьесы поведут отчаянную борьбу за право стать законной супругой новоявленного гения...

Спектакль по пьесе «Роскошные женщины» в постановке Крымского академического русского драматического театра им. М.Горького - лауреат фестиваля «Славянские театральные встречи» в Брянске.

2015 г. – новая редакция пьесы.

Из рецензий:

«...Еще смешнее становится от того, кто волей драматурга явился на этот кастинг. Деревенская до мозга костей Аграфена, путана (она же учительница) Люба, челночница и торговка Нина, молодая беременная Таня и женщина в летах, которую зовут Софья Андреевна, а похожа она на супругу великого писателя как две капли воды... Постановка движется от одной исповеди к другой, с кратковременными паузами для передышки. Это не только кастинг несчастных женщин, увидевших спасение в возможности прилепиться к зарубежному денежному мешку. Это и соревнование актрис: кто возьмет зал, кто окажется драматичнее и проникновеннее, кто лучше освоит острый рисунок, предложенный режиссером». Сергей Пальчиковский, критик

«Даже Дженифер, сухая и чопорная английская дама, чем-то похожая на ходячую логарифмическую линейку, открывает душу этой странной компании совершенно незнакомых людей, признается в безответной любви и плачет, «как наша» женщина, — горько, открыто, навзрыд, а не сдержанно и незаметно, как «ихние» леди. Ей, конечно, тут же наливают рюмочку, и... происходит полное братание, то есть сестри... Как же правильно-то? Да неважно! Просто все они — вместе отлично друг друга понимают и, самое главное, миллионы долларов, ради которых они и пришли «соревноваться», оказываются никому не нужными». Галина Вербицкая, критик.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛАЙОН КИНГ

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА

НИНА

ЛЮБА

АГРАФЕНА

ТАНЯ

ДЖЕНИФЕР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Просторный холл в культурном центре. Столик, пара кресел, банкетка. На стене совместный портрет Льва Толстого и Софьи Андреевны. Под ним – красочная реклама замороженных блюд-полуфабрикатов. Картинки с блюдами дополняются рекламной надписью: «Полуфабрикаты – быстро и легко!» Слева дверь, над дверью сигнальная лампа.

Появляется Дженифер. Это сухощавая, коротко стриженная иностранка в очках без возраста. Одежда в стиле унисекс (комбинезон) подчеркивает ее мужеподобность. Дженифер деловито осматривается. Пристраивает возле стола большой пакет для мусора. Затем крепит с помощью степлера на обитой двери плакат со словом «КАСТИНГ». Неожиданно ранит степлером палец, и у нее вырываются ругательные английские слова. Убедившись, что все готово для проведения мероприятия, Дженифер уходит. Появляется Аграфена с вместительной продовольственной сумкой. Одета она в деревенское цветастое платье, поверх него – мокрый дождевик, на ногах резиновые сапожки. Женщина всматривается в портрет четы Толстых, кланяется ему в пояс.

АГРАФЕНА. Слава Богу, успела.

Аграфена снимает грязные сапоги, извлекает из сумки туфли, переобувается. Затем направляется в подсобное помещение за сценой и выходит оттуда с ведром и шваброй, вытирает за собой следы.

Появляется Нина. Она не так толста, как Аграфена, просто женщина «в теле». Недостатки ее фигуры были бы не так заметны, если бы она, сорокапятилетняя женщина, не обрядилась по последней молодежно-турецкой моде – укороченные джинсы, оголенный живот, кофточка-гольфик с вырезом в форме сердца на груди. На голове – блондинистый парик.

Нина также подходит к портрету четы Толстых.

НИНА (*портрету*). Ну, здрасьте вам.

АГРАФЕНА. Здрасьте.

Аграфена уносит швабру обратно, возвращается и начинает переодеваться. Она достает концертный, расшитый русскими узорами сарафан и кокошник. Пробует голос. Нина смотрит на Аграфену во все глаза.

НИНА. Вы тоже... на кастинг?

АГРАФЕНА. Ага.

НИНА. Я думала, вы из этих.

АГРАФЕНА. Нет, это я за собой следы протерла.

Переодевшись, Аграфена достает из сумки еду – баночку малосольных огурцов, хлеб, копченую грудинку. Разворачивает газетку, нарезает на ней грудинку.

НИНА. Тогда будем знакомиться. Я – Нина.

АГРАФЕНА. Аграфена.

НИНА (*обеспокоено*). А что, разве в народном костюме просили?

АГРАФЕНА. Нет. Просто я в клубе всегда в этом выступаю. (*Протягивает Нине бутерброд.*) Хлебушка с копченой грудинкой хотите? Своя, домашняя.

НИНА. Не могу. Фигура.

Нина берет бутерброд, с аппетитом ест.

НИНА. О, огурчики! Еще бы чесночку... Но, боюсь, заморский жених завянет.

(Указывает на сапоги.) В деревне живешь?

АГРАФЕНА. Возле самой Ясной Поляны. С утра ливень прошел, дорогу развезло, грязища... Еле добралась.

НИНА. А всех нас сколько добралось, не слыхала?

АГРАФЕНА. Кто его знает.

НИНА. Ничего, прорвемся!

Входит Люба. Это тридцатипятилетняя блондинка, претендующая на сходство с Мерилин Монро. Одета Люба в красный кожаный плащ и такого же цвета сапоги на шпильках. Парик как две капли воды похож на парик Нины. В руках у Любы пакет, внутри которого находится платье и небольшой вентилятор.

ЛЮБА. Здравствуйте. *(Переводит взгляд с Аграфены на Нину.)* Ой, а я туда попала?

НИНА. На Софью Андреевну пробоваться?

ЛЮБА. А вы... тоже?

НИНА. Что, не тянем?

ЛЮБА. Нет, я наоборот рада.

НИНА *(критически оглядывая Любу)*. И я рада.

АГРАФЕНА *(указывает Любе на разложенную на столе еду)*. Угощайся. Все свеженькое. Вчера хрюкала.

ЛЮБА. Кто хрюкала?

АГРАФЕНА *(простодушно)*. Ну, не я же.

НИНА *(Любе)*. Бери, бери, от фигуры помогает.

ЛЮБА. Моя пока в порядке.

НИНА. Ты на что намекаешь?

ЛЮБА. А вы не тыкайте, не на рынке! Узнала я вас, узнала!

НИНА. А я и не скрываю. Вожу из Греции шубы и элегантную одежду. Работа, между прочим, умственная. Целые институты моды предсказывают, а что толку? А я в своем бутике номер двадцать восемь, пятый ряд, вторая линия, работаю как сапер: без права на ошибку.

ЛЮБА. Ошибку сделала я, когда купила у вас парик. Денег содрали за эксклюзив, а теперь мы, как близнецы!

Люба вплотную подходит к Нине.

НИНА. Размечталась! *(Сквозь зубы.)* Голливудская крыса.

АГРАФЕНА. Девчата, тихо, тихо...

Люба возмущенно качает головой.

Входит Таня. Это молодая девушка с очень хорошей фигурой, которую подчеркивает облегающее платье.

ТАНЯ *(Нине)*. Извините, женщина, где здесь кастинг?

НИНА. Тормози, приехали.

ТАНЯ. Нет-нет, мне кастинг на жену миллионера!

ЛЮБА. Говорят тебе, здесь.

ТАНЯ. И вы все – туда?

Таня начинает хохотать и долго не может остановиться. Три остальных претендентки смотрят на нее с ненавистью.

ТАНЯ. Нет, у богатых, конечно, свои причуды... *(Снова хохочет.)*

НИНА. Эй, молодежь, кончай наглеж!

АГРАФЕНА *(протягивает Тане бутерброд)*. Съешь, поможет.

ТАНЯ. Я огурчик возьму, можно?

АГРАФЕНА. Бери, бери.

Аграфена вдруг заинтересовывается газетой, на которой разложены продукты.

АГРАФЕНА. Ой, девчата, это же про нас! *(Читает.)* «Сегодня в культурном центре имени Толстого необычный кастинг. Претендентки будут соревноваться за право стать супругой миллионера и писателя Лайона Кинга...

ТАНЯ *(поправляет ударение)*. КИнга правильно! А Лайон – это Лев по-нашему.

АГРАФЕНА *(читает по-своему)*. Лайона Кинга, который прибыл из небольшого королевства Сан-Мартино. Мистер Кинг мечтает повторить творческий подвиг своего кумира Льва Толстого. «Чтобы написать современную «Войну и мир», необходимо жить в собственной усадьбе в средне-русской полосе, пахать землю,

тачать сапоги, класть печи, и, конечно, иметь такую спутницу, как Софья Андреевна», - убежден мистер Кинг. Все соискательницы прошли строгий предварительный отбор, и все они обладают многочисленными достоинствами Софьи Андреевны». Я не поняла, это какими ж достоинствами вы обладаете?

Все ошарашено смотрят на Аграфену.

В этот момент незаметно входит еще одна претендентка - пятидесятипятiletняя интеллигентная дама. Прической и выдержанной в старинном стиле одеждой она напоминает известные портреты супруги Толстого.

АГРАФЕНА. Со мной-то понятно. У меня уже четверо по лавкам, я еще столько рожу и не вздрогну. А вы ж городские...

ЛЮБА. Ну и что? Лично я шить умею.

НИНА (*указывая на портрет Софьи Андреевны*). Она еще и шила?

ЛЮБА. А как же. И себе, и приживалкам, и детское, а главное – мужу толстовки.

НИНА (*Любе*). И всего-то талантов? Ты в прорубь нырни, как я!

ТАНЯ. Она моржевала?!

НИНА. Зимой нет, но градусов девять – легко. Стресс снимала от семейной жизни с великим писателем. Кстати, а ты сама чем жениха завлекать будешь? Кроме хи-хи да ха-ха?

ТАНЯ (*выпрямляясь*). Мистер Кинг обратил внимание, какой у меня великолепный... (*выпячивает и без того большой бюст*) почерк.

ЛЮБА. Для переписывания, девушка, сейчас компьютеры есть.

ТАНЯ. А для пошива толстовок он Дольче и Габану наймет.

АГРАФЕНА. Какая габана? Кормить мужика надо! У меня, как у Софьи Андреевны, своя книга рецептов. Я из одних только грибов десять блюд состряпаю.

НИНА. А у меня зато муж бывший в районную газету стихи писал. К первому мая и ко дню космонавтики.

ЛЮБА. Ну и что?

НИНА. А то, что опыт работы Музой имеется!

ЛЮБА. Ракету изображала?

НИНА. Если надо, то и ракету!

Под космическую музыку Нина изображает то ли ракету, то ли памятник космонавту в предстартовое мгновение.

НИНА (декламирует). С милой на ракете
 Вот это – по мне!
 Хорошо бы участок
 Застолбить на Луне!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы напрасно спорите.

Все оглядываются на последнюю, пятую претендентку.

НИНА. А, пятый элемент? Тоже в нашу компанию?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Меня зовут Софья Андреевна.

Претендентки озадаченно переглядываются.

ТАНЯ. А по реалу?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это мое настоящее имя. Толстовки и все прочее, конечно, хорошо. Но боюсь, этого не хватит, чтобы он написал хоть одну страницу.

НИНА. А с тобой, бабуля, он будет строчить, как отбойный молоток?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я профессиональный редактор. Довожу до публикации самые безнадежные опусы. Вы забыли, что жена Льва Николаевича никогда не переписывала механически. Кроме того, у меня свободный французский, я с удовольствием сыграю с мужем в четыре руки на фортепиано, поддержу беседу на темы истории, философии... Кажется, я рассказала о себе достаточно?

НИНА. То есть, наши шансы пошли на танцы?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А вы сами как думаете?

ТАНЯ. Я думаю, шансов у нас навалом! Потому что мужчинам легче смотреть, чем думать!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Красотки с длинными ногами есть и в Сан-Мартино. А он хочет повысить качество своей прозы. (*Кивает на рекламный слоган.*) Причем быстро и легко.

ТАНЯ. Чего он хочет, мы посмотрим...

НИНА. И на него посмотрим... Кто видел живьем этого кота Мартына?

Люба жестом показывает Нине – тихо! Входит Дженифер. В руках у Дженифер пять папок и черный блокнот. Говорит по-русски с акцентом.

ДЖЕНИФЕР. Я прошу внимания! Добрый день. Лэдиз, мэйк э лайн, плиз!
Построились в линия!

Все выстраиваются в линию перед Дженифер.

ДЖЕНИФЕР. Меня зовут Дженифер Томсон. У меня в руках ваши папки. В каждый файл находится ваш профайл, вопросы для интервью, ручка и блокнот с логотип фирма мистер Кинг.

АГРАФЕНА (*держит Нину за рукав*). Что за проф... профан?

НИНА. Фотка, наверно! Т-с-с!

ДЖЕНИФЕР. Особый внимание к вопросам. Пять номеров. Ваш взгляд на принцип семейной и светской жизни. Ваш взгляд на проблемы экологии. Глобализация – хорошо или плохо. Что вы думать по поводу выражение: загадочная душа – русский национальный брэнд. И последний пункт – хобби или увлечения, если есть. На каждый вопрос у вас будет пять-семь минут. Убедительная просьба – придерживаться регламент.

АГРАФЕНА (*Нине*). Я ничего не поняла! Глобализация, это когда соль дорожает?

ДЖЕНИФЕР (*Аграфене*). Что непонятно, вы можете спросить у меня.

АГРАФЕНА. Да я так...

Дженифер подходит к Аграфене, сличает фото, вручает папку.

ДЖЕНИФЕР. Вы – первая. Аграфена. Головной убор, пожалуйста, снять. Вы должны выглядеть, как на фото.

Аграфена снимает кокошник.

АГРАФЕНА. Вот, сняла...

ДЖЕНИФЕР (*указывает на лампу над дверью*). Загорается лампа, вы заходить.

Андестенд? Поняли?

АГРАФЕНА. Че тут не понять? Как у нас в районной больнице.

ДЖЕНИФЕР. Потом вы, Нина. Потом Лубов, Татьяна и вы, София.

Дженифер по очереди вручает анкеты Нине, Любе, Тане и Софье Андреевне.

АГРАФЕНА. Мистер Женифер, а можно я все-таки спрошу?

ДЖЕНИФЕР. Не мистер, а мисс!

ЛЮБА, ТАНЯ, НИНА (*переглядываясь*). Мисс?

Люба, Таня и Нина с трудом подавляют смешки. Софья Андреевна смотрит на них с осуждением.

АГРАФЕНА (*совсем растерявшись*). Ой, вы извините, я санмартинских женщин раньше вблизи не видела...

ДЖЕНИФЕР (*резко*). Какой вы хотите вопрос?!

АГРАФЕНА. Скажите, он – пьет?

ДЖЕНИФЕР (*с возмущением грозит перебинтованным пальцем*). Не надо мерить санмартинец общий аршин! Вы оскорбить мистер Кинг! Я записывать вам штрафной замечание в черный блокнот!

АГРАФЕНА. Ой... Просто, если пьет, я и заходить не буду....

ДЖЕНИФЕР. Пить – у вас! На Сеньке и Шапка гореть! Вот где соль зарыта!

НИНА. Правильно! Лучше журавль с маслом, чем синица на голову! А еще такой вопрос, что он любит? Ну, там, «Игру престолов», леди Гагу?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг любит русский ансамбль «Березка», кино про ковбоев и отдельно фильм «В джазе только девушки».

Люба резко делает шаг вперед и радостно бьет себя в грудь.

ЛЮБА. Ес! Ес!

Дженифер строго на нее смотрит. Люба сникает.

НИНА. А поновее что-нибудь? Ему сколько лет?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг жить долго, но с большим вкусом. Он – человек Возрождения!

АГРАФЕНА. А, ему уже нельзя? Ну, если (*характерным жестом щелкает себя по щеке*) опять двадцать пять...

ДЖЕНИФЕР. Что... что вы сказать? Плохое слово? Нецензурно?

Дженифер, покачиваясь, прислоняется к двери и мгновенно засыпает.

АГРАФЕНА. Батюшки! Что это с ней?

НИНА. Вроде, спит?

ЛЮБА. Вскрапнула!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*легонько трясет Дженифер за плечо*). Мисс...

ДЖЕНИФЕР (*резко просыпается*). Ой... (*скороговоркой*.) Жульен, фрикасе, прованский рататуй! Извините. Что здесь было? Кто-то сказать нецензурно?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вам послышалось. Все – в рамках русской разговорной нормы.

АГРАФЕНА. Я сказала - если опять двадцать пять! Мой-то бывший квасил как...

Женщины шикают на Аграфену.

ДЖЕНИФЕР. Я недавно освоить новый курс ненормативный русский. Во сне. И теперь у меня рефлекс. Слышать плохое слово, немедленно...

НИНА. Хропака?

ДЖЕНИФЕР. Что?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы поняли. Вы сразу засыпаете. Мы этого не допустим!

ДЖЕНИФЕР. Я рассчитывать на вашу порядочность!

Дженифер уходит. В дверях останавливается и с фальшивой улыбкой обращается к претендентам.

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг желать вам в добрый путь и никогда не поздно.

(*Поправляется.*) Нет, лучше никогда, чем поздно! Никогда, поняли? Андестенд?

Гуд. Хо-ро-шо.

Женщины согласно кивают. Как только за Дженифер закрывается дверь, они поднимают ее на смех.

ЛЮБА. Личико! Жульен... Фрикасе...

ТАНЯ. Ножки, походочка!

НИНА (*изображает походку Дженифер*). Как в море лодочка!

АГРАФЕНА. Бумажки носит! К нам бы ее, в посеvную!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя порицать человека за внешнюю некрасивость!

АГРАФЕНА. А штраф ни за что выписывать можно? Если там все такие красавицы, боюсь, водится за ним этот грех. Ничего, я сразу пойму, у меня глаз наметанный.

Мой так пил... вот портрет в черной рамке висит, и то от него перегаром разит!

НИНА. От водки угорел?

АГРАФЕНА. Нет, грибков поел.

ЛЮБА. Ты готовила?

АГРАФЕНА. А кто же еще? У нас в деревне ресторанов нету.

Пауза. Все внимательно смотрят на Аграфену.

АГРАФЕНА. Что вы, девчата, на меня так смотрите? Думаете, я...

В этот момент загорается сигнальная лампа над дверью.

АГРАФЕНА. Все вышло случайно... Мы дом новый мечтали построить, чтобы и окна большие, и чай на веранде пить... деньги копили, копили... А он их пропил, прокутил все, до копейки... Вы этим только не говорите, они не поймут! Но вы-то понимаете? Мы ж тут все, как подруги... по несчастью... (*поправляется*) по счастью! Почти родня...

НИНА. Я другого не пойму, Груня. Ты на самом деле дурочка или так хорошо притворяешься? Мы здесь не родня. Мы здесь – конкурентки.

Под строгими взглядами конкуренток Аграфена приближается к заветной двери, но вдруг оглядывается.

АГРАФЕНА. Девчата, как думаете, удобно на первом свидании попросить хотя бы сто долларов?

Поскольку дверь уже открыта, женщины выражают свои эмоции жестами и мимикой. Они дают понять Аграфене, что она ненормальная. Но она трактует это по-своему.

АГРАФЕНА. Мало?

Наконец, Аграфена исчезает за дверью.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Аграфена высматривает мистера Кинга. Наконец, он появляется – в холщовой рубахе и босой. Внешне напоминает известные портреты Толстого. От волнения Аграфена поначалу так жениха и воспринимает...

ЛАЙОН КИНГ. Гений мысли Лев Толстой

Мужичок был непростой!

По имени гулял он

Исключительно босой.

АГРАФЕНА. Ой, вы и частушки сочиняете?

ЛАЙОН КИНГ. В поле с плугом был удал,

Все имущество раздал,

И за графским, за обедом,

Братьев меньших не едал!

АГРАФЕНА. Складно! Совсем как у нашего завклубом, Ивана Федоровича получилось! Такой мужчина, и на баяне, и непьющий, жалко, что женатый. А давайте с вами хоровод водить? Я научу!

ЛАЙОН КИНГ. Давай хороводы!

Мистер Кинг послушно повторяет за Аграфеной несложные танцевальные фигуры.

АГРАФЕНА. Скажу сразу: светской жизни я не против. Только, чтобы все было по закону.

ЛАЙОН КИНГ. Конечно, по закону. Ты рассказывай, не смущайся, как сама, как дети?

АГРАФЕНА. Артемке уже девять. Большой парень вымахал, скоро меня догонит. Одежка на нем так и горит, сейчас в магазин зашла, кроссовки ему как на взрослого купила. И спортивный костюм надо бы, он у меня знаете, какой крепкий? Его старшие ребята уже на лесопилку берут, дрова красть.

ЛАЙОН КИНГ. А не застукают его на лесопилке? Да, зимой здесь не Майами.

АГРАФЕНА. Ой, как вы все понимаете. Чувствуется, освоились.

ЛАЙОН КИНГ. Так я ж писатель! Что умом понять не могу, то сердцем схватываю. Я вон дом строю, бетонные сваи - пять метров по сто килограммов - без присмотра на участке оставил. И уже на следующее утро понял: воровать в России трудно, но интересно.

АГРАФЕНА. Я про Артемку доскажу. У него слух очень тонкий, на трубе играет. Иной раз так за день набегаяешься, хочешь отдохнуть, а он как начнет дудеть... А все равно на душе тепло: музыкант растет. И соседка уже два раза по ведру слив приносила, чтобы он потише. В общем, опора моя, пока я безмужняя. Младшеньких если надо приструнить, всегда поможет. Они погодки, пять и шесть лет, в казаки-разбойники начнут играть, так стекла вдребезги. А недавно сепаратор мой, прибор такой для перегонки молока, взяли да и разобрали весь. Им детали для костюма терминатора понадобились. Я только руками всплеснула: был сепаратор, стал терминатор.

ЛАЙОН КИНГ. Прямо в рифму!

АГРАФЕНА. Точно! Такие непоседы... Но вы не подумайте, уж я прослежу, вам дети докучать не будут. Закрывайтесь себе в подвале... *(подумав)* крепко-наглухо... и пишите, сколько хотите. Хоть том, хоть два...

ЛАЙОН КИНГ. Хоть и три напишем, не переживай. Детей, себя береги.

АГРАФЕНА. Еще дочка есть, Настенька. У нее тоже, как у Артемки, к искусству склонность. В клубе нашем танцует. С обувкой балетной проблема, ножка-то у нее с мою *(показывает)*. Так я ей из плаща старого тапочки скроила, она в них на пальчики приподнимается, ручки вот так делает... и как лебедь... *(подумав)* большая лебедь белая... *(Танцует под музыку из «Лебединого озера».)*

ЛАЙОН КИНГ. Так у вас и театр большой! Учиться дочке нужно! Обязательно!

АГРАФЕНА. Школа балетная в области, от нас туда конем не доскачешь, дороги сами видели... *(Тяжело вздыхает.)* Словом, помощница моя растет, и по хозяйству, и в лес по грибы сама уже ходит. Ей бы тоже сапожки новые, старые и года не проносила, малы. Куда ни посмотри, все надо, надо, а денег не хватает... Вот, мерки с собой ношу, беда с этими импортными размерами... *(Показывает вырезанные из бумаги бумажные детские следы.)*

ЛАЙОН КИНГ. Давай, давай сюда! *(Берет в руки следы.)*

АГРАФЕНА. Зачем вам?

ЛАЙОН КИНГ. Я свои тоже привез! *(Достает из кармана набор бумажных следов в форме веера).* Чтобы у вас в магазине не растеряться. Сейчас перекрестный допрос устроим... *(Пытается соединить иностранные и местные следы.)* А по грибы не опасно в лес?

АГРАФЕНА. А кого там бояться? Вы что, в Сан-Мартино грибы не собираете? Я понимаю, почему вы оттуда бежите. Скучно у вас. Я по телевизору видела: в одном городке все жители по субботам играют в коровье бинго. Раскладывают на поле листы бумаги под номерами. На чей лист корова нагадит, тот и выиграл.

ЛАЙОН КИНГ. Правила только на первый взгляд простые!

АГРАФЕНА. Вот именно! Жди-пожди, пока корова в твою сторону соизволит. Вот у нас в деревне вы будете в выигрыше всегда! У нас экология что надо! А про грибы я вам так скажу: есть старый проверенный способ - краешек шляпки надламываешь и смотришь на цвет. А для надежности лизнуть.

ЛАЙОН КИНГ. А если лизнул и... мимо?

АГРАФЕНА. Если горчит... я вас научу. А что про мужа моего говорят... так то несчастный случай! Вы-то мне верите?

ЛАЙОН КИНГ. Конечно, верю!

АГРАФЕНА. Мне он приснился недавно. Так прощения просил-молил! Если бы хоть раз при жизни такие слова!

ЛАЙОН КИНГ *(становится на колени)*. Прости, Груня. За все прости. Вот, живой, невредимый перед тобой стою. Не узнала меня сразу?

АГРАФЕН *(тоже опускается на колени)*. И, правда, не признала.

ЛАЙОН КИНГ. Я все запомнил, вот здесь записал! *(Дотрагивается до головы.)*

Дорогу в область, дрова на зиму, одежек детям прикупить. Все-все исполнять буду!

Только ты улыбайся чаще. Не мне, так хоть этому завклубом, Ивану Федоровичу.
Вот как сейчас.

Аграфена и мистер Кинг обнимаются.

ЛАЙОН КИНГ и АГРАФЕНА (запевают вместе).

На тот большак, на перекрёсток
Уже не надо больше мне спешить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Женщины (все, кроме Аграфены) нервничают в ожидании своей очереди. Нина пытается подслушать у дверей.

НИНА. Кажется, поет.

ЛЮБА. Ой, а у меня голос сел...*(Кашляет.)*

Внезапно зверь открывается и появляется Дженифер. Женщины отходят.

ДЖЕНИФЕР. Кто хочет маленький совет?

Женщины дружно подбегают обратно к Дженифер, достают блокноты и ручки.

ДЖЕНИФЕР *(нервно)*. Пожалуйста, не надо петь! Болшак, - я не могу это переводить. Зачем сеять лебеду на берегу?

НИНА. Щи варить.

ДЖЕНИФЕР *(переспрашивает)*. Ши?

НИНА. Щи!

ДЖЕНИФЕР. Я же говорю: ши.

Женщины переглядываются, пожимают плечами.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Суп.

ДЖЕНИФЕР. Из сорняк?

ЛЮБА. А хоть из топора.

ДЖЕНИФЕР. Из топора? Это что-то особенное!

Женщины с важным видом кивают.

ДЖЕНИФЕР. Вы знаете рецепт?

ЛЮБА. Конечно.

НИНА. И я знаю.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы все знаем.

ДЖЕНИФЕР (*оценив женщин, обращается к Софье Андреевне*). Вот вы, пожалуйста, запишите. Лично для меня. Мистер Кинг любит русская кухня.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Может, еще традиционное блюдо? К праздничному столу?

ДЖЕНИФЕР. Да, мистер Кинг обожать торт из борща!

Женщины недоуменно переглядываются. Дженифер направляется к двери, но вдруг начинает принюхиваться.

ДЖЕНИФЕР. Я слышать запах неизвестный продукт! Я спрашивать, чей это продукт?

Женщины переглядываются, но молчат. Дженифер с подозрением косится на сумку Аграфены. Затем достает дезодорант и обрабатывает поверхность сумки.

ДЖЕНИФЕР. Я очень просить вас здесь не кушать. Еда здесь не место! Плиз, сложить этот пикник в мусорный мешок!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Один вопрос. Торт из борща... что туда входит?

ДЖЕНИФЕР. Несвежая рыба! Вы не уметь готовить?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Все-все, мы поняли. Селедка под шубой.

ДЖЕНИФЕР. Точно, конь в пальто! Пикник убрать! *(себе.)* Рыба в верхней одежде! Каннеллони с горгонцолой...

Дженифер исчезает за дверью.

НИНА. Чудной они народ: еда не место, а рецепты собирает.

ЛЮБА. Так она для него! *(Просматривает вопросы.)* Ой, вопросы такие сложные...

Давайте лучше фильм этот вспомним. Про который эта цапля говорила. Как там начало? Мэрилин Монро идет вдоль поезда...

Люба изображает знаменитую проходку Мэрилин Монро.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это уже потом. Сначала двое друзей музыкантов влипают в историю. За ними гонится мафия, и они внедряются в женский оркестр. Потом едут в поезде.

ЛЮБА. А что они там делают?

НИНА *(очередной раз прикладываясь к своей фляжке)*. Что можно делать в поезде?

ТАНЯ. Мэрилин прячет свою фляжку за подвязку. *(Приподнимает платье, демонстрируя кружевные чулки.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Главное, у них там возникают чувства!

НИНА. А, Монро влюбляется в ту, что на саксофоне.

ЛЮБА. Здравсьте! Он же в женском! Это он в нее влюбляется, а она думает, что это дружба.

НИНА. Соображаешь. *(Подсматривает в анкету Любы.)* Для школьной учительки это уровень.

ЛЮБА *(вырывает из рук Нины анкету)*. Я помню, как они на пляже. Тот, что на саксофоне, выдает себя за миллионера, сидит и смотрит на свою яхту, которая, естественно, не его. Мэрилин бежит за мячом, а он делает вот так...

Люба нарочно подставляет ногу, и уже изрядно нетрезвая Нина падает.

НИНА. Ты что, блондинка?

ЛЮБА. Сама блондинка!

Нина угрожающе надвигается на Любу. Таня и Софья Андреевна становятся между ними.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Тише, тише! Я расскажу, чем эта история заканчивается. Глупенькая и жалкая в своем стремлении выйти замуж непременно за миллионера героиня Монро, наконец, узнает правду. Ее избранник – нищий музыкант. Зато он горячо любит ее. Хеппи энд.

НИНА. Как ты сказала? Глупенькая и жалкая? А мы тогда...кто?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Наш жених действительно богат. Король замороженных продуктов.

НИНА. Да пусть сам их ест! Пиарим себя перед ним...

ЛЮБА. Все пиарят. Тот, что с контрабасом, так себя как женщину преподнес, что ему даже настоящий миллионер предложение сделал.

НИНА. Точно! Но я же мужчина!

ЛЮБА (*разводит руками*). У каждого свои недостатки.

НИНА. Интересно, у него этот недостаток есть или тоже... в глубокой заморозке?

ТАНЯ. Я могу по руке определить. Меня бабушка научила.

НИНА. Я знаю, по носу...

ТАНЯ. Нос там на фотографии...

НИНА. Думаю, этой фотке лет двадцать, не меньше. Ничего, я ему тоже сюрпрайз приготовила. Я вместо своей фотку старшей дочки послала.

ЛЮБА. А говорила, одна дочь...

НИНА. А зачем про старшую докладывать? Живет отдельно, у нее уже своих детей двое. А бабулям сюда нельзя.

Нина понимает, что проговорилась.

НИНА. Ой, чуть не сказала, никому не говорите.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нина... Мне кажется, показываться в таком виде не имеет смысла.

НИНА. Не надо! Я когда по настоящему пьянею, то начинаю перед любым мужиком раздеваться. Даже, если он за дверью. А сейчас - никакого намека.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Из-за тебя он может решить, что мы тут все... любительницы за воротник.

НИНА. Так вы о себе печетесь?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Здесь каждый – за себя.

Открывается дверь, и выходит Аграфена. Все бросаются к ней с расспросами.

ЛЮБА. Ну, как? Высокий? Низкий?

ТАНЯ. Очень старый вблизи?

НИНА. Руки, руки какие?

АГРАФЕНА. Ни молодой, ни старый... Мужчина... Голова на месте, борода лопатой.

Кажется... На руки не глянула.

НИНА. Куда ж ты смотрела?

АГРАФЕНА. Девчонки! У него даже деньги есть! *(Мечтательно.)* И дом... почти достроенный...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Все ясно. Вопросы какие задавал?

АГРАФЕНА. Как вы относитесь к Галине Кузнецовой? Я еще удивилась, откуда он нашу Галку библиотекаршу знает? *(Софье Андреевне.)* А чего вы с ухмылкой?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это был тест. Имелась в виду бунинская возлюбленная, которая жила в его доме вместе со своей возлюбленной.

ТАНЯ. Прикольно...

АГРАФЕНА. А жена куда смотрела?!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вера Николаевна понимала, что он художник, и что он страдает.

АГРАФЕНА. Он еще и страдал?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Очень! Так и писал в дневнике: я как душевнобольной.

Опомнись, опомнись!... Но опомнись не мог долгих пятнадцать лет...

НИНА. И она терпела?!

Над дверью мигает сигнальная лампа.

НИНА. Да иду уже, иду! Жувачка есть у кого?

Все молчат. Люба находит в сумочке духи спрей.

ЛЮБА. Только духи. «Сладкий грех».

Нина берет у Любы флакон, подносит ко рту и использует, как ингалятор.

НИНА (*кривится*). Из чего только не делают... (*Решительно*). Посторонись!

Пропустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Нетрезвая Нина возлежит на медицинской кушетке, а Мистер Кинг в восточном халате делает ей массаж. Алкоголь, помноженный на стресс, сделали свое дело, и жених в представлении Нины «задовоился». Теперь это и ее греческий любовник массажист Архимед, и ее бывший муж поэт.

НИНА. Ой, грека ты грека! Что ты елозишь? Медленно, начиная сверху, не пропуская жировые депо!

ЛАЙОН КИНГ. Нина, тут платформа Киржач-Товарная. Ты рассказывай, не отвлекайся.

НИНА. Значит так. Я вступила... Ой, вечно я... Я вступила... в пору зрелой пьянящей... женственности. Сопротивление бесполезно, пленных не берем. Слышал, Архимед? Сдавайся, пока не поздно!

Мистер Кинг с готовностью поднимает руки в знак капитуляции.

НИНА. Чего застыл, «эврика»? Уплачено! Давай, работай, по закону Архимеда после сытного обеда... Но все по порядку. После техникума я в планетарии работала. С телескопом. Я по оптике специалист. А между экскурсиями звезды так тряпочкой, тряпочкой до блеска начищала. Занималась прикладной астрономией. И была у меня одна любимая звездочка, я ей все-все рассказывала. Как первый на мне не женился, как от второго хотела уйти, но пришлось любить дальше... Я тут у Цветаевой прочитала, пишет, что увлекалась мужчинами не только второго сорта, но и пятого, и шестого... Это она-то!

ЛАЙОН КИНГ. Небось, в Париже написала, у них там одни месье, а у нас все мужики – вон, орлы!

НИНА. Орлы... Нам оставалась одна пересортица, сапсан мой ясный! В общем, звездочка все терпела. Но когда я вышла замуж за подающего надежды...

(уничжительно) поэта, тут наша астральная связь и кончилась. Пришлось мне резко сменить ориентацию.

ЛАЙОН КИНГ *(резко прекращает массаж)*. Так вы - мужчина?! *(Пытается просунуть руку Нине под грудь, чтобы удостовериться)*.

НИНА *(бьет Кинга по руке, садится на кушетке)*. Только в смысле содержания семьи. И стала я ездить в вашу Грецию сначала в формате «челнок», а потом как менеджер по закупкам собственной фирмы «Эвридика». Где я была и за Орфея, и прибратся, а поэт только числился экспертом по меховым изделиям.

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не грек!

НИНА *(озадаченно)*. А кто ты?

ЛАЙОН КИНГ. Поезд «Афины-Барнаул» помнишь?

НИНА. Точно! Ты мне баул поднес! И деньги у меня тогда пропали. Из самого надежного хранилища. А как ты «сиртаки» танцевал!

ЛАЙОН КИНГ. «Метакса», она научит...

НИНА. А говоришь, не грек! Так вот, челнок это... куда там вашему Дискавери пешком до Марса... *(Слезает с кушетки, пошатываясь, делает несколько шагов.)*

Идешь вечером по Салоникам, запрокинешь голову... *(Нина резко запрокидывает голову, и, к несчастью, с нее слетает парик. Под париком – короткая стрижка «ежик» сиреневого оттенка.)* Пардон... Художник нам изобразил глубокий обморок сирени...

ЛАЙОН КИНГ *(в шоке)*. Все-таки, вы сделали операцию? *(Подает Нине парик, приглядывается.)*

НИНА *(надевает парик обратно)*. Не сбивай меня! О чем я говорила? А, запрокинешь голову, а звезд на небе – видимо-невидимо... и моя звездочка среди них. И такая вдруг тоска накатит... *(с нажимом)* по родине... По простому земному счастью, что даже не верится, а есть ли оно... Сидишь вот так на набережной, вглядываешься в их черное небо... Пока этот математик не заскучает... Да женщина я, женщина! Пошли на пляж, на лебедях покатаемся!

Мистер Кинг подвигает поближе к Нине большого надувного лебедя с устрашающей головой, и они усаживаются на него, как на детскую лошадку. Раскачиваются.

НИНА. Трудно, конечно, приходилось. Зато и детей подняла, и квадратные метры кое-как поделили. Очень поэт съезжать не хотел.

ЛАЙОН КИНГ *(сочувственно)*. Претендовал, Лернейская гидра, на жилплощадь?

НИНА. Представляешь? И тот его вариант не устраивал, и этот, ни на Пожарне, ни в Плывунах. Я говорю, ты, может, еще на острове, где Одиссей отдыхал, квартиру выгадать захотел? *(Мечтательно.)* С отдельной спальней, встроенной стиралкой и видом на море? Не будет этого! А он взял и прямо к нам в дом свою новую пассию привел!

ЛАЙОН КИНГ. Женщину?

НИНА. Конечно, женщину! У нас нормальная семья была! Я, он и Архимед... не важно. И тут я заметила в его намерениях противоречие. Сам два несурзных стишка в газету тиснул...

ЛАЙОН КИНГ. Не два! На Восьмое марта кто писал: душе настало пробужденье, и тут опять явилась ты? Пушкин?

НИНА. ...два несурзных стишка накарябал, а издеваться надо мной хочет, как живой классик! Ну, я ему... *(Нина сцепляет руки на шее Лайона.)*

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не звал ее сюда, она сама навязалась, я вообще ее первый раз вижу!

НИНА *(прекращает душить жениха, слезает с лебедя, смущается)*. Ой, вы, может, не то подумали... Вас бить – ни-ни! Даже не сомневайтесь! Если, конечно, «Войну и Мир» напишете. А то ведь как бывает? Одни рукописи не горят, а другие не тонут... Если вдуматься, вся наша жизнь из одних противоречий. К примеру, из нас пятерых фигура лучше всего у Татьяны, а раздеваться буду я. *(Делает попытку раздеться.)*

ЛАЙОН КИНГ. Нина, Нина! Тут набережная, греки ходят!

НИНА. Как кандидат в мои мужья, как проходимец... первопроходец средне-русской полосы, вы имеете право знать голую правду. Здесь у меня жировое депо. А, ты все видел...

ЛАЙОН КИНГ. Нина-джан, закрой личико, плечико... Как еще попросить?!

НИНА. Только не волнуйтесь! Сегодня вообще день плохой: доллар и тот упал. А про Бунина я вам так скажу. На слух, вроде бы стремно. Он любит ее, она любит другую... Но вам ли, санмартинцу, не знать: только такая любовь может спасти демократию! *(Напевая мелодию «сиртаки», начинает раздеваться, как это принято в стриптиз-клубах.)*

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не санмартинец!

НИНА. А кто ты? Кто?!

ЛАЙОН КИНГ (*увлекает Нину за сцену*). Кто знает, где тут фонтан в этих Салониках?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Женщины (все, кроме Нины) снова столпились у дверей, пытаются подслушать. Внезапно появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР (*с нарастающей агрессией*). Маленький совет!

Женщины дружно достают блокноты.

ДЖЕНИФЕР. Я вас просить без головной убор. Но, пожалуйста, не надо снимать всю одежду! Даже если у вас сложная и красивая фигура.

ТАНЯ. А если просто красивая?

ЛЮБА. Или просто сложная?

ДЖЕНИФЕР (*Тане*). Вашу красоту можно сравнить только с умом вашей подруги! (*Указывает на Любу.*)

ТАНЯ. Значит, я – некрасивая?

ЛЮБА. А я - дура?

ТАНЯ (*Дженифер*). Ты знаешь, что с тобой ночью в проходном дворе хулиганы сделают? Ничего!

Женщины шикают на Таню.

ТАНЯ. Все – цензурно!

ДЖЕНИФЕР (*Тане*). Замечание в черный блокнот! За интонацию! (*Любе*). Вам тоже!

ЛЮБА. А мне за что?

ДЖЕНИФЕР (*Любе*). Разговорчики! Второе замечание! Упасть, лечь, отжаться!

ЛЮБА (*опешив*). Что?!

ДЖЕНИФЕР (*сильно смутившись*). Ой, это повторилось... Извините... Я была на сеанс гадания, и мне открыли, что в прошлой жизни меня звали прапорщик Синица. Этого не может быть, это все астральная чепуха! (*Ненатурально смеется.*)

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Конечно, чепуха!

ДЖЕНИФЕР. Но когда я сильно волноваться, из меня вылезать.

ЛЮБА. А вы не волнуйтесь. Это нам надо переживать. Мы замуж выходим!

ДЖЕНИФЕР. Да, и на этот случай у вас есть хорошая поговорка: готовь сани летом, а честь смолоду. Вы поняли?

ТАНЯ (*качая головой*). Че тут не понять? По реке плывет топор.

ДЖЕНИФЕР (*Софье Андреевне*). Кстати, пожалуйста, не забыть рецепт!

Из-за двери слышен грохот. Будто кто-то падает, опрокидывая стол. Женщины тревожно переглядываются.

ДЖЕНИФЕР. Спокойно! Просто сирень снова упала в обморок. Я еще раз вас просить: есть конкретные вопросы. Один, два, три, четыре, пять. Мистер Кинг хотеть услышать точные ответы. Пять, четыре, три, два, один!

АГРАФЕНА. Это как? (*Скрещивает пальцы, не понимая, как стыкуются вопросы и ответы.*)

ДЖЕНИФЕР. Я требовать ожидать своей очереди в полная тишина! За нарушение исключать из кастинг! И, пожалуйста, меня больше не волновать! Иначе...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы поняли.

АГРАФЕНА. Либо ... (*прикладывает руки к голове, всхрипывает*)...

ЛЮБА. ...либо Синица проклянется!

ДЖЕНИФЕР (*удовлетворенно*). Андерстенд. Гуд. (*Себе.*) Салат «Софии Лорен», кофе «Дон Жуан»...

Дженифер с довольной улыбкой стучит по блокноту. Исчезает за дверью.

ЛЮБА (*передразнивая Дженифер*). Ну, Синица жжет! Один, пять, восемь...

Нарочно нас запутывает! Не нравится мне это...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Давайте помолчим.

ТАНЯ. Не буду я молчать!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ты ведь уже схлопотала. Пожалуйста, тише!

С минуту женщины сидят молча.

ЛЮБА. Нет, я так лопну от напряжения!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Разговаривая, мы легко можем дойти до драки.

ЛЮБА. Есть нейтральные темы. Например, моя племянница вчера замуж вышла.

АГРАФЕНА. А у меня вчера ворона цыпленка унесла.

ТАНЯ. Я помаду новую купила. Цвет – вишневое варенье-пятиминутка.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мне остается добавить, что вчера я провела несколько восхитительных часов в библиотеке в отделе редких книг.

ЛЮБА (*Софье Андреевне, с осуждением*). Обязательно было все портить? Давайте заново. Там, на свадьбе, желе подавали. Четыре слоя, и каждый отдельно...

АГРАФЕНА. Рецепт не записала? А то у меня всегда расклеится.

ТАНЯ (*затыкает уши*). Нет! Только не про готовку!

ЛЮБА. Вот этими словами ты только что ухудшила себе карму.

ТАНЯ. И не про кретинские гороскопы!

АГРАФЕНА. У меня от твоего крика аж в боку закололо.

ТАНЯ. И не про камни в печени! Тетки, я вас ненавижу!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Будет спокойнее, если мы вернемся к главному. Я думаю, каждой из нас есть что сказать, например, про этого актера... Джеймса Бонда...

ЛЮБА (*восхищенно*). Глаза...

ТАНЯ. Руки ...

АГРАФЕНА. Вся фигура...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Про этого утонченного пирата с Карибского моря...

ЛЮБА. Какой-то он скользкий...

АГРАФЕНА. Щупловат в кости.

ТАНЯ. Зато какие манеры! Я спас вас, а вы меня!

АГРАФЕНА. А жену с двумя детьми оставил! Ради молодой. Вот их манера!

ТАНЯ. С той, у которой дети, и брака не было. А тут - любовь...

ЛЮБА. Сто первая по счету! Вон невеста князя Монако из-под венца чуть не сбежала. Как про будущего мужа все разузнала.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ее никто не принуждал. Вы повторяете досужие сплетни.

ТАНЯ. Ее в аэропорту охрана князя схватила! Паспорт отобрали и насильно во дворец! Обычная схема.

АГРАФЕНА (утирая слезу). То-то она на свадьбе зарыдала!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это - от предстоящей ответственности!

ЛЮБА. Нет, я бы за принца ни за что не пошла! Ни за принца, ни за француза.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А французы чем не угодили?

ЛЮБА. Переписывалась я тут с одним по интернету.

ТАНЯ. Это же известное дурилово!

ЛЮБА. Начиналось все очень даже романтик. «Где ты была всю мою жизнь? Если бы мне пришлось провести на необитаемом острове остаток моих дней, я не стал бы брать три вещи. Я бы взял только тебя, моя редкая жемчужина! Я люблю видеть, как загораются глаза женщины, когда она получает подарок. Скоро ты получишь от меня посылку...»

ТАНЯ. И что там было?

ЛЮБА. Духи, похожие на пробник, и цепочка, тонкая и короткая, буквально впивается в шею, как удавка.

АГРАФЕНА. Дареному коню...

ЛЮБА. «Ласточки уже давно прилетели, что же ты не летишь ко мне, мон амур?»

ТАНЯ. А ты?

ЛЮБА. «Дорогой Жан-Франсуа! Я бы хотела быть ласточкой и прилететь к тебе на собственных крыльях. Но у меня их нет, и мне понадобятся металлические...»

ТАНЯ. А он?

ЛЮБА. «Я купил пароварку, ты будешь есть одни овощи и клубнику...»

ТАНЯ. А ты?

ЛЮБА. «Дорогой Жан-Франсуа, я обожаю клубнику, но есть одно небольшое препятствие...»

АГРАФЕНА. А он?

ЛЮБА. «У нас официально продлен бальзаковский возраст! Как только ты приедешь, мы возьмемся за руки и так войдем в священные ворота Нотр-Дам де Пари...»

ТАНЯ. Так и не выслал на билет?

ЛЮБА (качая головой). Влезла в долги, сама купила и билет, и шляпку с хризантемой, сумку матрешек и полетела.

Женщины в ужасе ахают.

ЛЮБА. Нет-нет, это были лучшие четырнадцать дней с мужчиной в моей жизни. Никогда, ни до, ни после, я не испытывала ничего подобного. И даже те два года, которые я копила на возвращение долга, не заставили меня думать иначе.

На этих словах Люба разрыдалась.

АГРАФЕНА. Не надейся Рене на чужой портмоне...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя быть такой доверчивой!

ЛЮБА. А ты как будто не женщина!

АГРАФЕНА. Девчата, не заводитесь. *(Подслушивает под дверью.)* Что-то долго Нина не выходит. Не к интиму ли у них там клонится?

ТАНЯ. Он джентльмен, деревня!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Джентльмен – всего лишь терпеливый волк!

ТАНЯ. Может, ему ничего уже не надо? Раз он писатель, значит – мудрый. А Толстой писал: «Мудрость приходит вместе с импотенцией».

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя вырывать из контекста!

ЛЮБА. Когда полная мудрость, это еще хуже. Уж я-то знаю! Каждый день на работе с этим дело имею.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. На работе?

Софья Андреевна подходит к столику и берет Любину анкету.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Здесь написано, вы работаете в школе.

ЛЮБА *(сильно смутившись)*. Уже нет. Отдайте!

Люба вырывает анкету у Софьи Андреевны. Анкета рвется. Люба в отчаянии.

ЛЮБА. Ставку мою сократили... Я думала, всего один разок...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А потом?

ЛЮБА. Потом муж бывший казенную машину разбил, мама слегла, сын на руках...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы же хорошо шьете?

ЛЮБА. Столько не нашьешь. У меня потом еще брат в историю попал... Что вы на меня так смотрите? Фильм «Красотка» все видели? Это не та профессия, о которой мечтаешь с детства.

Люба распахивает плащ, а под ним - «рабочая» униформа: кружевная эффектная комбинация и чулки на подвязках. Женщины ахают.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. То есть, днем учительница, ночью – мучительница?

ЛЮБА. Я же сказала, из школы сразу уволилась. Вы не подумайте, что я с каждым встречным. У меня даже один помощник депутата был. Я очень даже ВИП.

АГРАФЕНА. Вип – это как? В машине?

ТАНЯ. На мотоцикле. Деревня...

ЛЮБА. Я сейчас на бухгалтерские курсы коплю. Честно. Только там не говорите, хорошо?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы и, правда, глупая.

ЛЮБА. Да, глупая! И доверчивая! Я верю людям! Мне и сейчас не всегда платят, а я все равно верю!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Бывают гробокопатели философы, а у нас простимадам-лирик...

ЛЮБА. А вы – мегера и провокатор!

Люба набрасывается на Софью Андреевну и пытается вырвать ей волосы. Та не остается в долгу.

ЛЮБА. Не смей, никогда не смей меня так называть!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А как?

ЛЮБА. Я - Прекрасная Дама! Из группы риска!

Аграфена и Таня разнимают дерущихся. В этот момент открывается дверь и возвращается Нина.

НИНА. Там же все слышно! Вы чего?

Люба и Софья Андреевна прекращают драку.

ЛЮБА. Ничего. Просто поспорили. Мне Жорж Санд больше нравится, а ей Джейн Остен. Так что там у него с руками?

НИНА. Нормально все. Только, кажется... по шесть пальцев.

Женщины испуганно переглядываются.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Может, у вас двоится?

ЛЮБА (*Софье Андреевне*). Страшно?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*кивая на мигающую лампу*). Иди, симулируй восторг!

Люба в ужасе оглядывается на лампу.

ЛЮБА. Вот, из-за вас переодеться не успела! Задержите его, отвлеките!

НИНА. Чем?

Люба бросается в туалет переодеваться. Лампа продолжает мигать.

НИНА. Надо зайти и что-нибудь наврать.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что наврать? Уже и так правды с три короба.

Появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР. В чем дело? Где Лубов? Куда пропала Лубов?

НИНА. Ой, если бы знать, куда она каждый раз пропадает...

ДЖЕНИФЕР. Каждый раз?

НИНА. Это мы о своем. А Люба сейчас переоденется и придет. Платье переодеть пошла.

ДЖЕНИФЕР (*обрадовано*). Если она не появится немедленно, она исключаться!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я пока могу рассказать тот рецепт... из топора.

ТАНЯ. А я про студенческие котлеты!

АГРАФЕНА. А я еще раз спою для мистера Кинга! (*Запеваает, направляясь к двери.*)

ДЖЕНИФЕР (*хватая Аграфену за рукав*). Замолчать! Вы уже пела!

НИНА (*направляясь к дверям*). А я станцую!

ДЖЕНИФЕР (*силой останавливает Нину*). Не смей! Я знаю, как вы танцевать! Все, что могли, вы уже показать!

Аграфена снова запекает. Дженифер достает черный блокнот.

ДЖЕНИФЕР. Тихо! Я просить всех замолчать! (*Аграфене и Нине.*) Вам и вам я выписывать штрафные очки!

НИНА. Ты мне очки не втирай, кунсткамера! Начальнику твоему не с блокнотом жить! (*Тычет пальцев в блокнот Дженифер.*)

ДЖЕНИФЕР (*перепугано*). То, что вы сказать сейчас... это было хамство? Я хамство не выносить! Не выносить...

Дженифер внезапно начинает плакать, садится на пол, обхватывает голову руками. Женщины обступают ее.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*Нине*). Что вы натворили? Не надо было пить!

НИНА. Откуда мне знать, что они такие... нежные?

ДЖЕНИФЕР (*сквозь слезы*). Меня предупреждать! Мне говорить: в России хамство на каждом шагу! Я не верила...

НИНА. Милая моя, ты хамства настоящего не слыхала!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*строго*). Нина!

ДЖЕНИФЕР. У меня нет иммунитет... О, это страшно!

ТАНЯ. А вы Синицу сразу включайте!

ДЖЕНИФЕР. Я не уметь это преднамеренно!

НИНА (*Дженифер*). Ну, хочешь, ответь мне? На всю катушку! Я – рот на замок!

ДЖЕНИФЕР. Это поможет?

Женщины кивают.

ДЖЕНИФЕР. Я не умею... Где Лубов? Где Лубов? Где Лубов...

Приплакивая, Дженифер скрывается за дверь.

НИНА (*в панике*). Где Лубов? Тьфу, по-английски заговорила! Она сейчас на всех нажалуется!

Появляется Люба. Она переоделась в белое платье, которое напоминает образ Монро. (За образец принят известный кадр из фильма: внезапный порыв воздуха из люка нью-йоркской подземки приподнимает платье Мерилин, а она тщетно пытается его удержать.)

Женщина восхищенно ахают.

ЛЮБА. Я готова!

Люба гордо вышагивает к заветной двери. Женщины провожают ее завистливыми взглядами.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Люба устанавливает на полу вентилятор, пытается его включить. Прибор издает противное жужжание и произвольно выключается. К Любе подходит мистер Кинг в отечественной полицейской фуражке, отбирает вентилятор. Возможно, от волнения Люба вспомнила свои трения с законом...

ЛЮБА (досадуя на сломанный вентилятор, себе) Ешкин кот!

ЛАЙОН КИНГ. Капитан Котоешкин! (Отбирает вентилятор.) А вот и улика.

ЛЮБА. Ой, вас повысили! Поздравляю!

ЛАЙОН КИНГ. Кто бы меня еще поздравил! Дожили. (Осматривая вентилятор.)

Прихватила из номера, гражданин Власова? Воровство в особо мелких?

ЛЮБА. Это мой личный вентилятор! Из дома принесла!

ЛАЙОН КИНГ. А это мы сейчас проверим. (Достает из кармана сложенный тетрадный листок.) Вот! Совпадает инвентарный номер! Ну, все тащат! Зачем тебе эта жужжалка?

ЛЮБА. Чтобы... (Приподнимает платье.) Это надо показать, словами не расскажешь. Я собиралась вернуть!

ЛАЙОН КИНГ (присаживается к столу, кладет перед собой лист бумаги). А я собирался «Войну и мир» написать. Продолжение. А мне говорят: спроса не будет.

Давай без лирики. При каких обстоятельствах оказалась в гостинице в номере тринадцать?

ЛЮБА. Вы же знаете, при каких. Я влюбляюсь... по типу камикадзе.

ЛАЙОН КИНГ (*стучит ручкой по столу*). На французский не переходим!

ЛЮБА. Вы не так поняли! Я как бы растворяюсь в мужчине. Умею его выслушать. У нас ведь как считается? Если мужчина вдруг начал откровенничать, то это либо рассказы о службе в армии, либо просто вранье.

ЛАЙОН КИНГ. А если душа болит? У человека при исполнении она тоже имеется!

ЛЮБА. Вот именно! Я знаю столько маленьких мужских историй... (*Понимает, что сболтнула лишнее.*) Ой... У меня просто много друзей-мужчин. Бывших коллег по работе. В школах у нас одни мужики, женщины не выдерживают. Сидим, бывало, в перерыве, чай гоняем... то да се... И как начнут они про жен рассказывать... Жены у нас какие? Чуть что, хватъ за скалку, хрясть по голове... Не разобравшись... Я считаю, в России мужчин угнетает непонимание.

ЛАЙОН КИНГ. А в какой стране нас понимают? Под воду ушла уже та земля! Антонида!

ЛЮБА. Со мной вы можете говорить обо всем! Я пойму. И пожалею. У нас это близко-близко: люблю и жалею. Мне даже этих - из соседнего профсоюза - жалко. (*«Незаметно» подглядывает в сложенную гармошку-шпаргалку*). «Почему ты ни разу не попытался написать мне?» – пишет Оскар Уайльд своему дорогому Альфреду из королевской тюрьмы.

ЛАЙОН КИНГ. Кто пишет? Черчилль? Шпион английский? Вот, как вы, женщины, умеете все перевернуть! Только поговорили, что полы надо менять в летней кухне, и сразу без перехода: сомалийские пираты захватили катер «Отважный»! Еще раз спрашиваю: почему возле гостиницы «Тюрьма», тьфу, «Голубые терема» ошивалась, Власова?

ЛЮБА. А я объясню! «Ты, безусловно, знал, - пишет Уайльд, - как заставил меня страдать, и как я чувствую это. В целом мире нет такой тюрьмы, куда Любовь не могла бы пробиться».

ЛАЙОН КИНГ (*указывая на Любу*). Да, Люба, она тараном, она пробьется!

ЛЮБА. «Если ты не понял этого, ты ничего не знаешь о Любви!» Он – гениальный писатель, а это ничтожество не может за два года черкнуть ему полстраницы!

ЛАЙОН КИНГ. Так это элементарно! Баклан – не лебедь, карманник – не танкист.

ЛЮБА. На меня в этом смысле вы можете положиться.

ЛАЙОН КИНГ. Ты меня не провоцируй!

ЛЮБА. Это же присказка: от тюрьмы, да от сумы... Ой, что я говорю, не слушайте меня, это не своими словами, это я цитату из журнала выписала, вот... *(Достаёт шпаргалку из-под парика .)* Вот еще одна... мужская история. *(Предъявляет еще одну шпаргалку.)*

ЛАЙОН КИНГ. Шпаргалки?

ЛЮБА. Ученикам не позволяла пользоваться, и сама не умею.

ЛАЙОН КИНГ *(зачитывает шпаргалку с протокольной интонацией)*. «Я привез тебе из-за границы духов, очень хороших. Приезжай за ними...» Контрабанда?

ЛЮБА. Это Чехов зовет свою любимую в Ялту! *(Выхватывает шпаргалку, читает)*. «Это ничего, что ты влюблена в другого и уже изменила мне, я прощу тебя, только приезжай, пожалуйста. Слышишь, собака? Я ведь тебя люблю!» Он, гений, заранее прощает!

ЛАЙОН КИНГ *(отбирает шпаргалку)*. Собака? Я тоже гений.

ЛЮБА *(зачитывает другую шпаргалку)*. А вот Ремарк. «Твой день рождения, любимая, я отпраздную не разными крепкими напитками до одури – нет, я вылью в озеро лучшую бутылку вина из тех, что найду в своем погребе...»

ЛАЙОН КИНГ *(отбирает шпаргалку)*. В озеро? Так и пишет?

ЛЮБА. Ради любви! *(Зачитывает.)* «...Ну, вот, приближается врач со шприцом, будь счастлива любимая, никогда, никогда не покидай меня, это разорвет меня на части! Любимая, давай никогда не умирать!» *(Смахивает слезу.)* А вы из-за какого-то неработающего старья мне дело шьете...

ЛАЙОН КИНГ *(вытирает глаза)*. Ладно, Власова. Вылил в озеро... Собака...

(Забирает Любины шпаргалки.) На досуге почитаю. *(Передает Любе вентилятор.)*

«Ветерок» занесешь потом. Расписывайся. Твое счастье, что я литературу люблю.

ЛЮБА *(долго что-то пишет в протоколе)*. А мое несчастье в том, что я слишком люблю мужчин. Я не могу вам сказать почему, но ни в коем случае меня не выбирайте! Хотя... в народе говорят, из таких, как я, получаются хорошие жены.

ЛАЙОН КИНГ *(глядя в протокол)*. Что ты мне понаписала? Шифровка из ЦРУ?

ЛЮБА. Это песня, ее Мерилин поет!

ЛАЙОН КИНГ *(пытается прочесть)*. Ай вона... би... лавд... бай... ю... Джаст ю! Да я уже майором в столице должен быть с такими знаниями! А я тут с вами в теремках. А перевод?

ЛЮБА *(с чувством, соблазняя)*. Я хочу быть любима тобой. Только тобой!

ЛАЙОН КИНГ. Ай ... вона... би... кид... бай...ю...Джаст ю!

ЛЮБА. Хочу быть вся зацелована тобой. Одним тобой!

ЛАЙОН КИНГ. Так и написано?

Далее Люба исполняет песню, копируя Монро.

ЛЮБА. I wanna be loved by you, just you,

And nobody else but you,

I wanna be loved by you, alone!

I couldn't aspire,

To anything higher,

Than to feel the desire,

To make you my own,

Ba-dum-ba-dum-ba-doodly-dum-boo!

Люба приглашает Мистера Кинга к танцу.

I wanna be loved by you, just you,

Nobody else but you,

I wanna be loved by you,

ba-deedly-deedly-deedly-dum-ba-boop-bee-doop

В этот момент вентилятор самопроизвольно включается. Платье высоко приподнимается. Люба игриво прикрывает ноги.

ЛЮБА. Я ничего не делала! Он сам!

ЛАЙОН КИНГ (обнимает Любу). Сам, конечно!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Женщины подслушивают у дверей. Внезапно появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР *(с нарастающей агрессией)*. Маленький совет!

Женщины дружно достают блокноты.

ДЖЕНИФЕР. Не надо предлагать мистеру Кингу полностью *(изображает)* на себя положиться.

НИНА *(подмигивая остальным)*. Молодец, Любаша!

ДЖЕНИФЕР. Не надо верность и носить передачи! Мистер Кинг не собираться в тюрьму.

НИНА. Вообще не надо верности?

ДЖЕНИФЕР. На этот вопрос у вас есть хорошая поговорка: где двое, там и третий не лишний. Вы поняли?

НИНА. А то. Любовь зла как никогда, а сто верст не крюк.

ДЖЕНИФЕР. Не надо передергивать! Я знаю, что бывает, если пустить собаку в огород! Будет шиворот-навыворот! *(себе.)* Соте, фондю, эльзасский профитроль...

Дженифер подходит к двери.

НИНА. Стала соображать. Фондю... Переживает по-своему.

ДЖЕНИФЕР *(оглядываясь на Нину)*. Вы говорить обо мне за моя спина. Это есть плохой воспитание. *(С горечью.)* Очень плохой. Лимонное парфе!

Дженифер уходит.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(Нине)*. Ну, что ты опять!

НИНА. Ишь, разобиделся наш ванильный крендель! Даже штраф не выписала.

Извини, мадам! *(Направляется к дверям.)*

АГРАФЕНА *(останавливая Нину)*. Не надо! Ты уже там была!

НИНА. А о чем тогда говорить? Все темы перебрали...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не надо говорить. Помолчим! *(Тяжело вздыхает.)* О-хо-хо-хо-хо-хо-хо...

НИНА. И не говори...

АГРАФЕНА. Господи, помоги...

ТАНЯ *(недовольно)*. Опять про детей!

Женщины начинают говорить одновременно, перебивая друг друга.

НИНА. ...ни тарелку за собой убрать, ни чашку...

АГРАФЕНА. ...всю посуду перебили...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...куртку вешает, рукава до сих пор не выворачивает...

АГРАФЕНА. ...приходит, а куртка без рукавов... вот что хочешь, то и делай...

НИНА. ...А учеба? Как можно получить два по пению?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ... три хвоста после зимней сессии...

АГРАФЕНА. ...с этой математикой хоть плачь! Разложила на полу картошку, говорю, складывай! А они в футбол!

НИНА. ...а огрызается как! Я в свое время да чтобы матери...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...иногда такой нигилизм...

НИНА. Пофигизм самый натуральный!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...такая нечуткость, будто сердце у тебя из груди вынимают...

АГРАФЕНА. Деньги из кошелька вытаскивают! Последние!

НИНА. ...я говорю, как же ты жить будешь, если сигареты как следует спрятать не можешь?!

Таня в ужасе смотрит на женщин, затыкает уши. Они внезапно стихают, смотрят на Таню.

АГРАФЕНА. Ты уши-то не затыкай, опыт за плечами не носить!

ТАНЯ. Дался мне ваш опыт!

НИНА. А куда ты денешься? Ты из этой банки уже сколько огурцов наловила?

ТАНЯ. А... что?

АГРАФЕНА. Меня за мальчишками тоже на соленое тянуло. А за Настенькой – на моченые яблоки.

НИНА. А я штукатурку прямо когтями...

ТАНЯ. Ой...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Плохо?

ТАНЯ. Воды...

АГРАФЕНА. У меня покрепче есть.

ТАНЯ. Меня и так тошнит! Не ходи за мной!

Таня выбегает в туалет.

АГРАФЕНА. На лоб приложить!

НИНА (*Аграфене*). Что там у тебя есть? Мне уже можно.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вам уже хватит.

НИНА. Кончай командовать, энциклопедия!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вот выберут вас в жены, а вы под столом! Валямшись...

НИНА. Точно! Чего я вообще с вами как с равными хоровожусь? Давайте, девчата, расходитесь, по домам, по домам...

АГРАФЕНА. Вот кому надо домой, так это Татьяне.

Возвращается Татьяна.

ТАНЯ. И не мечтайте! Беременность – не болезнь! С кастингом на рекламу чулок меня прокатили, но мужика с пиастрами я вам, старым кошелкам, уступать не собираюсь! (*Подходит к Софье Андреевне вплотную.*) Ты у нас идешь последняя?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. И что?

ТАНЯ. Убью.

Пауза.

ТАНЯ. Мне лучше в тюрьму, чем домой. Потому что те, кто в нашем поселке живет, все равно в тюрьме работает. Или на заводе бытовой химии. Рассказать?

АГРАФЕНА. А отец-то ребеночка знает?

ТАНЯ. Какой отец? Рассказать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не надо. Мы поняли. А вот как ты его обманывать собираешься? Миллионеры считать умеют.

ТАНЯ. Не ваша забота. И вообще... может, я не только из-за денег. Вдруг он мне как человек понравится?

Пауза. Женщины непонимающе уставились на Таню.

ТАНЯ. Ну, он же писатель. Значит, гуманист. Все поймет...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. С гуманистами в повседневной жизни бывают большие сложности.

ТАНЯ. Как это?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Рулетка, пьянство, женщины... Рассказать?

ТАНЯ (*указывая на портрет супругов Толстых*). Но уж, по крайней мере, Лев Николаевич и Софья Андреевна душа в душу жили! Он ей перстень подарил! Я фотографию видела. С рубином и бриллиантами. За «Анну Каренину».

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. «Думала нынче поехать к Илье, проститься со всеми и спокойно лечь где-нибудь на рельсы». Это из ее дневника. (*Кивает на портрет Софьи Андреевны.*) Ничего не напоминает?

ТАНЯ. Это все литературные анекдоты!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Источники надежные!

ТАНЯ. В жизни все не так! Я знаю одно: он просто мужчина, а я просто женщина! Красивая!

Женщины надвигаются на Таню единым фронтом.

НИНА. Умучает ревностью!

ТАНЯ. Молодая!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. На каждом шагу будет пользоваться твоей неопытностью!

ТАНЯ. Я буду много читать!

НИНА. Затоскует по смотрящей в рот идиотке!

АГРАФЕНА. И однажды ты заметишь, что он реже стал просить есть!

ТАНЯ. Ну и что?

АГРАФЕНА. У другой столоваться начал, вот что!

Пауза.

ТАНЯ. Не может быть, чтобы все были такими...

НИНА. А ты думаешь, чего мы тут все сидим?!

ТАНЯ. Отойдите от меня! Я не хочу этого слушать! Не хочу! Не хочу!

В этот момент открывается дверь и входит Люба.

ЛЮБА. Чего вы на девчонку набросились?

Таня бросается к Любе.

ТАНЯ. Он очень старый?

ЛЮБА. Могу сказать одно. На лбу написано «не дождетесь».

ТАНЯ. А тесты?

ЛЮБА. А как же. Нравится ли вам светская жизнь? Так, с намеком.

ТАНЯ. А ты?

ЛЮБА. Сказала, жить в глухомани - моя мечта. Чтобы мужчин в округе за пять километров не было. По-моему, пережала.

НИНА. Точно пережала. Пять километров...

Зажигается сигнальная лампа. Таня в испуге обхватывает голову руками.

ТАНЯ. Так, светская жизнь, светская жизнь...

Аграфена протягивает Тане пакетик конфет.

АГРАФЕНА. Конфеты возьми! Если затошнит.

ЛЮБА. Расслабься. Просто будь собой. Нет, живот все-таки втягивай.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Мистер Кинг в белом медицинском халате ловко передвигает по столу три стакана, под которыми прячется шарик. Появляется Таня. В руках у нее малиновый берет и пакет с конфетами. Врач, играющий за рабочим столом в «наперстки», сильно озадачил Таню. Она с интересом наблюдает за игрой.

ЛАЙОН КИНГ. Где?

ТАНЯ (указывает на стакан). Здесь!

ЛАЙОН КИНГ. Не угадала. Сто рублей с тебя!

ТАНЯ. Это шутка... такая? *(Достает из пакета конфету, разворачивает.)*

ЛАЙОН КИНГ. Ты к врачу пришла или куда? *(Тоже достает конфету из Таниного пакета).* «Снежок»? Или «Взлетная»?

ТАНЯ *(приподнимает стаканы, обнаруживает два шарика).* Их же два! Доктор, вы жульничаете!

ЛАЙОН КИНГ. Ты когда-нибудь видела жулика в белом халате? Это был тест!

Ладно, рассказывай, чего там у тебя.

ТАНЯ. У меня... с парнем...бывшим...не знаю, как сказать...

ЛАЙОН КИНГ *(указывает неврологическим молоточком в сторону).* Вон, муха полетела! *(Таня поворачивает голову в указанном направлении, а в это время «доктор» ударяет ее молоточком по коленке.)* Вон, таракан пополз! *(Таня отвлекается на таракана, а «доктор» ловко бьет ее молоточком по лбу).*

ТАНЯ. Да вы что! Больно!

ЛАЙОН КИНГ. Я тебе по-хорошему говорил: сто рублей. Язык! Все, здорова! Зубчик чеснока для профилактики.

ТАНЯ. Мне так тревожно!

ЛАЙОН КИНГ. Два главных правила психотерапии. Мелкие тревоги – это пустяк. И второе. Все тревоги – мелкие.

ТАНЯ. У меня серьезная проблема! Два месяца назад я залете... в меня без спросу вселилась литературная душа, да еще какая!

ЛАЙОН КИНГ. А я что могу? Психоанализ – наука строгая. *(Присаживается к столу, перебирает видеодиски.)* У меня для всех вас - только пять диагнозов: человек дождя, человек-паук, робоцып... нет, это я вчера на ночь... Вот, свежее поступление... *(поправляется)* осложнение: добрая семейная вампирская сага. Куда мне тебя определить? Про чеснок я уже сказал. *(Заполняет историю болезни.)*

Ладно, давай, кто там в тебя вселился...Наполеон, Джастин Бибер, только покороче, медсестра уволилась, писанины – будто я Лев Толстой.

ТАНЯ. Я чувствую себя Татьяной Лариной!

ЛАЙОН КИНГ *(записывает).* Из «Гороскопа на удачу»? Учти, это еще главврач будет просматривать.

ТАНЯ. Там все пристойно! Начало как у всех. А дальше Татьяна своему любимому пишет письмо: «Чего же боле, что я могу еще сказать? Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать...» Накаркала. Наказал по полной программе. «Но я не

создан для блаженства... Напрасны ваши совершенства...» А если бы она была на тот момент беременна? Совсем чуть-чуть!

ЛАЙОН КИНГ. Чуть – не считается. Люди вон с пробитой головой в очереди по два часа сидят! И я не знаю, успею ли принять!

ТАНЯ. Я быстро. Спасибо, Танина родня подсуежилась, отвезли ее в Питер, и там, на балу, ее заметил старый генерал. И стала она княгиня. А тут и Евгений, наездившись по заграницам, завернул на родину и... вот так встреча! «Кто там в малиновом берете с послом испанским говорит?» И вдруг с Таней происходит субли...

ЛАЙОН КИНГ. Только не это слово! На дверях читала? Я когда слышу «сублимация», кусаю пациента!

ТАНЯ. Я поняла. Вдруг объявляют белый испанский танец! *(Надевает берет.)* Во фламенко что главное? Каждый удар – это слово, которое ты хочешь сказать мужчине! *(Танцует, вколачивая в пол каблуки.)*

ЛАЙОН КИНГ *(отбрасывает ручку)*. Нет, такое я записывать не могу! Был нормальным врачом, оэрзэ, анальгин, аспирин! Перевели сюда, посадили на «Тайны следствия»...

ТАНЯ. Теперь-то Евгений понял, что потерял! И так сублимиро...Ой!

ЛАЙОН КИНГ. Раньше в людях стыд был! Раньше я понятия не имел, что снится женщинам в тридцать восемь лет!

ТАНЯ. «Ужель та самая Татьяна?» Ужель!

ЛАЙОН КИНГ. А в сорок четыре... Доктор, я украла в «Заре» красное платье, к чему это? Укради еще красные туфли, дура!

ТАНЯ. Не обязательно красные.

ЛАЙОН КИНГ *(продолжает пересказывать жалобы пациентов)*. Доктор, я часами что-нибудь рассказываю мужу, а потом оказывается, что он не слышал ни слова! Как называется его заболевание? Дар божий!

ТАНЯ. В итоге Татьяна заявляет Евгению: «Урок ваш выслушала я, сегодня очередь моя!» Теперь у меня модные вечера и прочая ветошь маскарада!

Адюльтера не будет! «Я другому отдана, и буду век ему верна!» Вы и будете этим другим, согласны?

ЛАЙОН КИНГ. Женская психосоматика – тайна...

ТАНЯ. В общем, план такой. Я выхожу за вас замуж, меняю гардероб...

ЛАЙОН КИНГ. Когда молодая девушка говорит «гардероб», почему-то похоже на гроб.

ТАНЯ. Дальше вы устраиваете городской бал. Типа дворянское собрание, сейчас это модно. Он туда обязательно притащится, он же профессорский сынок.

ЛАЙОН КИНГ. Бал, молодая жена... И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь...

ТАНЯ. Я буду не только вашей женой, но и вдовой!

Таня ударяет мистера Кинга молоточком по голове.

ЛАЙОН КИНГ (*оседая на стол*). И жизнь, и слезы, и любовь!

ТАНЯ (*сильнее ударяет молоточком «врача» по голове*). Вам лучше дома оставаться и страниц по двадцать в день писать, учитывая возраст. Я сама поеду в эту деревню французскую... слово красивое, на журавля похоже. Сейчас туда все мотаются, как на работу. Вспомнила, Куршевель! Он мне часто снится, представляете? А я ни разу там не была. Будто иду я по центральной Курортной улице, погода – теплынь, плюс восемь, шуба нараспашку, под ней открытая блузка сдержанного лимонного цвета, леопардовые горнолыжные брюки, сапожки со стразами, в ушах – лучшие друзья девушек, в руках – карликовая вредная собачка, и она так ав, ав, ав...

Подхожу к вершине горы, встаю на лыжи, и катят они легко, как санки в детстве. А рядом ребеночек едет, кажется, мальчик. Я боюсь, что он упадет, хочу его защитить, но он все равно поскальзывается и летит в пропасть. И укориженно так повторяет: эх, мама, мама... В этом месте я всегда просыпаюсь. И думаю: к чему бы это все? (*Тормозит «доктора»*.) Эй... Если знаете, не тяните с ответом. Мне нужно поскорее. Как можно скорее! На этой неделе последний срок... Что я могу еще сказать? Выпьем, няня, где же кружка?

ЛАЙОН КИНГ (*очнувшись, протягивает Тане стакан для игры в «наперстки»*).

Вздыхать и думать про себя, когда же черт возьмет тебя!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Женщины сидят молча. Дверь резко распахивается, и появляется Дженифер. Но возле дверей никого нет.

ДЖЕНИФЕР *(со злобой)*. Маленький совет!

Аграфена, Нина и Люба не реагируют. Одна Софья Андреевна подбегает к Дженифер с блокнотом.

ДЖЕНИФЕР *(срывается на крик)*. Встать! На первый-второй... Сорри! Ледиз! Мэйк э лайн!

Переглядываясь, женщины нехотя выстраиваются в линию.

ДЖЕНИФЕР. Пожалуйста, не надо рассказывать литературную классику!

НИНА *(Любе)*. Ну, Танька дает...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Почему?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг не узнавать сюжет и расстраиваться.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. В моем пересказе он узнает!

ДЖЕНИФЕР. На этот случай у вас есть хорошее выражение: не надо грузить! Вы поняли?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вполне.

ДЖЕНИФЕР *(остальным)*. А кто не слушал меня, - черный блокнот!

НИНА *(толкает Любу)*. А давай его отберем? Достала, стукачка!

ЛЮБА. Синица может и врезать!

НИНА. А мы ее ошпилем!

Люба кивает. Женщины плотнее окружают Дженифер.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(остальным)*. Женщины, дорогие, так нельзя!

НИНА. Выслуживаешься? У тебя одной нет замечаний?

ДЖЕНИФЕР *(крепче прижимая блокнот)*. Не надо, пожалуйста, не надо... Я вас просить...

Нина протягивает руку за блокнотом, и тогда Дженифер наносит ей неожиданный удар в стиле восточных единоборств. Люба пытается защитить

Нину и тоже получает удар. Но тут сзади к Дженифер подкрадывается Аграфена и надевает ей на голову мешок для мусора. Дженифер сразу прекращает драку.

ДЖЕНИФЕР (*кричит*). А-а-а! Не надо! На помощь! У меня клаустрофобия!

АГРАФЕНА. Чего у нее?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Боязнь закрытого пространства! Освободите ее, скорее!

Женщины освобождают Дженифер от пакета. Она пытается идти, но у нее головокружение.

НИНА. Мы же в шутку! А ты драться!

ДЖЕНИФЕР. Это была самооборона!

НИНА. Никто на тебя не нападал! Жаловаться будем твоему мистеру!

ДЖЕНИФЕР (*в крайнем волнении*). Нет, нет, не надо ничего говорить мистер Кинг, пожалуйста! Он не должен знать, что я... я так себя вела с его невестами...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы не будем жаловаться, а вы не будете показывать ему блокнот, хорошо?

ДЖЕНИФЕР. Да, да! Мы договариваться! Я забыть слово... Слет ведьм?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Шабаш?

НИНА. Баш на баш!

ДЖЕНИФЕР. Да! Баш на баш! Мы договорились! Баш на баш. Я прятать блокнот.

Баш на баш...(*Себе.*) Лапша удон, медовый терьяки...

Плохо ориентируясь в пространстве, Дженифер уходит.

НИНА (*вслед Дженифер*). Все хуже и хуже. А ведь сразу и незаметно было...

(*Софье Андреевне.*) Значит, и про литературу нашему жениху не надо. Больно переборчивый. Правду, выходит, ты говорила, про жизнь с писателями... А сама в омут сигануть хочешь! Как так?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Они – гении.

НИНА. Значит, им прощаем. А наш?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*отрицательно качая головой*). Нет.

АГРАФЕНА (*разочарованно*). Батюшки!

НИНА. Ну, дела...

ЛЮБА. Откуда тебе знать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я его читала. В подлиннике.

АГРАФЕНА. И про что этот полдни... эта писанина?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нашествие киборгов, пауки с Альдебарана...

АГРАФЕНА. Так-то без жены...

ЛЮБА. Каких только фантазий у мужчин не бывает...

НИНА. Пауки, бараны... Как же он «Войну и мир» с таким суповым набором писать собрался? *(Кивает на рекламу полуфабрикатов.)* Полуфабрикант!

ЛЮБА *(кивая на Софью Андреевну)*. А она ему надиктует.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(Любе)*. Я возьму вас в кухарки.

У Софьи Андреевны звонит мобильный телефон. Она отходит в сторонку, при этом ее сумочка остается на столике.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(в трубку)*. Что случилось? Нет, еще не закончилось. Скоро. Сейчас не совсем удобно, я приду и все прочту. Я не знаю, через сколько. Сам сможешь разогреть? Умница. Целую. Ничуть не сухо. *(Оглядываясь на конкурентов, тише.)* Я не могу! Ну, хорошо, целую своего Бобика. Да, Мальвина целует своего Бобика.

Софья Андреевна, наконец, заканчивает разговор.

НИНА. Ну? И кто у нас мопсик? Извиняюсь, бобик?

ЛЮБА. Только не говори, что дворняжка.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не буду. Это мой муж.

ВСЕ *(хором)*. Муж?!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы разведены только на бумаге. Я здесь, чтобы заработать на издание его книг.

ЛЮБА. А если я... если кто-нибудь из нас... скажет... *(Указывает на дверь.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Кто скажет? *(Идет в наступление.)* Одна - мужа отравила...

АГРАФЕНА *(защищаясь)*. Сам, своей смертью!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Другая дважды бабушка с алкогольной зависимостью!

Третья чужого ребенка хочет навязать! *(Любе.)* Может, ты?

НИНА. Ну, наконец-то, на «ты» перешла. А то выкаешь, как неродным.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да вы просто банда какая-то!

Произнеся эти роковые слова, Софья Андреевна внезапно хватается за сердце. Она щелкает глазами свою сумочку. До столика, на котором она лежит, всего несколько шагов, но сделать их Софья Андреевна не в силах.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (сдавленным голосом). Моя сумочка... пожалуйста... там лекарство...

Никто не двигается с места. Кажется, страшная пауза длится вечность. Женщины переглядываются. Наконец, Люба не выдерживает и решительно подходит к столику. Открывает сумочку, находит лекарство.

ЛЮБА. Это?

Софья Андреевна кивает. Люба несет ей лекарство, тут и Нина с Аграфеной выходят из оцепенения.

АГРАФЕНА. Что ж мы стоим-то!

НИНА. Надо на диван.

Женщины помогают Софье Андреевне дойти до дивана. Она прилегает. Аграфена машет над ней газетой. Нина прикладывает к своей фляжке и прыскает на нее водкой.

НИНА. Сонь, ты как?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Отпускает...

АГРАФЕНА. Ну, напугала! Прямо до смерти.

НИНА (Аграфене). Сплюнь! (Софье Андреевне.) А ты плюнула бы на своего бобика! Его что, без твоих денег не напечатают?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нет.

НИНА. погоди... Ты же говорила, из любого полена можешь нобелевского лауреата выстругать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Только не из него.

НИНА. Знаешь что, подруга... Извини если не попад скажу... гнала бы ты этого барбоса по-хорошему. *(Обращаясь к остальным.)* Правда?

Женщины согласно кивают.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не могу.

ВСЕ *(хором)*. Почему?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я... люблю его.

Женщины дружно вздыхают. Появляется Таня.

ТАНЯ. Просили сразу заходить.

Софья Андреевна пытается встать. Это удается ей с трудом. Нина и Аграфена ей помогают.

НИНА. Не так резко. Рванула... горная лань...

АГРАФЕНА. Потихонечку, потихонечку...

Доведя до дверей, Нина и Аграфена буквально вталкивают Софью Андреевну на рандеву с женихом. Но она внезапно бросается обратно.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Люба! Спасибо тебе.

ЛЮБА *(примирительно)*. Да ладно! Иди уже! Мальвина...

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Софья Андреевна нарезает овощи для супа. Высыпает их в кастрюлю. Шаловливый Бобик, он же мистер Кинг, крутится рядом, жонглирует помидорами, выхватывает ломтики морковки из-под ножа Мальвины. Возможно, на голове его – шапочка с собачьими ушами.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не вертись! У меня нож в руках! Петь не буду, танцевать тоже. Про экологию прочитаешь в газетах. Я расскажу тебе, мой дружок, какое впечатление произвел на меня твой последний роман.

Бобик с готовностью приносит Мальвине в зубах тетрадку.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*листая тетрадку*). Оговорюсь сразу: я очень строга в оценках. Поэтому приготовься услышать правду, какой бы она не была. (*Делает вдох-выдох, как перед стартом.*) Ты - талант! Талантище!

Бобик, смущаясь, благодарно тявкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да, да, и не надо смущаться! Я поняла это сразу, с первых страниц. Взять хотя бы эпизод, когда героиню похищают инопланетяне, чтобы она зачала космическое дитя, которое спасет мир от глобальной катастрофы. Сколько раз использовался этот ход? Десятки, если не сотни. Если бы ты просто заимствовал по строчке из чужих источников... Но ты, двоечник, творил сам! И в результате – ходульные образы, убогий язык, вымученная интрига... (*Швыряет тетрадку на пол.*) Получай, Бобик!

Бобик, жалобно скуля, бросается поднимать тетрадку.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Простите... Простите, мне продолжать?

Бобик приносит тетрадку снова.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Спасибо. (*Дотрагивается до сердца, потом до головы.*) Начала правильно, с беззастенчивой грубой лести, а потом вдруг что-то екнуло внутри...

Бобик дважды гавкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что? И с вами такое бывает?

Бобик гавкает три раза.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да, конечно, я помогу вам со стилистикой. Долгими зимними вечерами Буратино будет макать свой деревянный нос в чернильницу и переписывать под надзором Мальвины свой беспомощный опус...

Софья Андреевна снова далеко отшвыривает тетрадку. Бобик бросается за ней.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ой, опять. Извините. Я сегодня не в форме.

Бобик возмущенно гавкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Кто такой Бобик? Он – той же породы, что и вы. Я расскажу вам эту страшную сказку с самого начала. Давным-давно Мальвина сама была подающей надежды молодой писательницей. Но Бобик завидовал ее успеху, и она стала писать вместо него под его фамилией. Вначале этот обман устраивал Бобика.

Бобик радостно тявкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но со временем у него развился комплекс неполноценности. (*Бобик разваливается на стуле, стучит кулаком по столу.*) Он загрустил, плохо спал по ночам и подолгу смотрел на Луну. И тогда Мальвина, оставив свою карьеру, стала учить писать Бобика. Началась кропотливая работа, день за днем, год за годом... Мальвина выбивалась из сил, но Бобика все равно не печатали. Сначала он злился, потом как-то обмяк, разленился, стал куда-то пропадать. А однажды, - Мальвина как раз нарезала морковку для супа, - Бобик подошел к ней и...

Бобик подходит к авансцене, бросает пренебрежительный взгляд на Мальвину и сердито гавкает. И тут же, высмотрев кого-то в зале, заинтересованно улыбается.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...и заявил, что встретил другую. Молодую красивую Болонку. Мальвина резко повернулась, чтобы посмотреть предателю в глаза и случайно... так уж вышло... задела ножом его ухо.

Бобик хватается за ухо, жалобно скулит.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*подходит к Бобику, ласково гладит его по голове*). Вскоре Болонка раскусила, что за фрукт Бобик, и он вернулся обратно к Мальвине. Они помирились. Но царапина за левым ухом осталась. Осталось чувство вины, которое Мальвина все время пытается загладить.

Бобик отстраняется от Мальвины, сердито гавкает, уходит за сцену.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Конечно, она давно убедилась: не только коты не могут знать алгебру, но и собаки не пишут романов. Но ведь когда любишь, веришь в невозможное! Мальвина верит, и поэтому готова за умеренную плату лупить линейкой по пальцам богатого Буратино. (*Кричит.*) Если вы все еще хотите улучшить свой литературный стиль, заготовьте побольше чернил и баночку для слез! Может, у вас и получится. Не хотите? Что ж... Вас можно понять.

Появляется мистер Кинг с трехлитровой банкой в руках.

ЛАЙОН КИНГ. Бобику привет!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Претендентки – Аграфена, Нина, Люба и Таня – ждут окончания кастинга. На злословие и выяснение отношений сил уже не осталось. Подогнув ноги, Таня дремлет на диване. Нина пытается расслабиться с помощью замысловатых спортивных упражнений, напоминающих занятия йогой. Согнувшись в три погибели, она никак не может распрямиться.

НИНА. Ой, не могу!

Женщины, кроме спящей Тани, бросаются на помощь.

АГРАФЕНА. Тебе помочь или не мешать?

НИНА. Скорее! *(Наконец распрямляется.)* Ой, спасибо. Не получилась сегодня... белая лилия... А вот так, если бы сама? Как распутаться?

АГРАФЕНА. То-то и оно. Не распутаться нам. Который час? У кого время есть?

НИНА. Уже два.

АНРАФЕНА. Ну, ладно... Хорошо с вами, девчата, но мне пора.

Аграфена начинает собирать в свою безразмерную сумку остатки еды.

НИНА. Далеко собралась?

АГРАФЕНА. Домой. Шустрики мои уже со школы притопали голодные. А мамка по иностранцам загуляла. Как путана какая... *(Любе.)* Ой, извини! Вечером-то их уложат, а утром мне самой их в школу собирать. Надо скорее на вокзал.

ЛЮБА. А если судьба? Сама говорила, понравился.

АГРАФЕНА. Видный мужчина. И про детей все спрашивал...

ЛЮБА. Ну?

АГРАФЕНА. Не по мне это все. Как мы друг к дружке обращаться будем? Он мне: гутен морген, фрау мадам! А я ему: ваше сиятельство, пахать подано! Тут городская нужна...

Аграфена снимает сарафан.

ЛЮБА. Мы же не знаем его вкусов! Какие там тараканы. У меня на работе случай был...

НИНА *(Любе)*. Помолчи со своей работой! *(Аграфене.)* Груня, зря! Хоть Софью Андреевну дождишь.

АГРАФЕНА. Подожду.

Аграфена усаживается в кресло.

ЛЮБА. Если честно, я тоже не представляю, как мы с ним...

НИНА. Если ты не представляешь...

ЛЮБА. Как мы с ним ругаться будем! Лично я люблю и начало, и середину, и конец ссоры. И чтоб неделю потом не разговаривать. А у них в кино только и слышно:

«Как ты себя чувствуешь, дорогая? Давай, я сегодня приготовлю обед». Это не выдержать!

НИНА. Меня в гости позовешь. Я тебе устрою начало, середину и конец. Ой, волнуюсь я за Соньку нашу. Хоть бы ее опять не прихватило.

Появляется Софья Андреевна.

НИНА. О! Ты как раз вовремя. Тут кое-кто из-под венца бежать собрался.

Нина указывает пальцем на Любу и Аграфену.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Меня заодно проводите? Голова еще кружится...

ЛЮБА. Не понравился?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Почему? Очень понравился. И я ему. Но...

НИНА. Но?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но ведь Тане нужнее!

Все оборачиваются на дремлющую Таню.

НИНА. И я про это все время думаю. Танюха! Просыпайся, замуж пора!

ТАНЯ (*сонно*). Уже?

НИНА. Слушай сюда. Мы сейчас разбежимся по-тихому, а ты останешься. И выбирать он будет из тебя и тебя.

ТАНЯ. Нет, не бросайте меня! Я с вами!

НИНА. С ума сошла? Тебе двадцать скоро, а ты такие корки мочишь!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не о себе, о ребенке подумай!

АГРАФЕНА. С жильем, не пьющий...

ЛЮБА. Одежды купишь, мир повидаешь... разве не так?

ТАНЯ. Все так. Только... я любить его не буду. (*Закрывает лицо руками.*) Девчонки, любви хочется!!!

Пауза. Женщины тяжело вздыхают.

НИНА (*Тане, успокаивая*). Будет, будет у тебя еще любовь. А пока знаешь что? Переезжай ко мне. Старшая моя теперь у мужа, а с младшей мы и в одной комнате уживемся. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

ТАНЯ. Я? К тебе?

НИНА. И не возражай! Ты мне этим только поможешь. А то у меня такое чувство, будто я живу и работаю, чтобы по выходным с напарницей на кухне дорогим ликером напиваться.

АГРАФЕНА. А ко мне на лето с ребеночком просим! У нас и лес, и речка, и парное молоко!

ЛЮБА. А я нянчить помогу. Днем-то я свободна. А ты учебу не бросай, даже не думай!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Если родится мальчик, назови Львом. Я его с трех лет французскому обучу. В жизни пригодится.

НИНА. Ну, чего молчишь? Как воды в рот набрала?

ТАНЯ. Я... я согласна.

Нина обнимает Таню.

НИНА. Ес! По-моему, это надо отметить! Грунь, поищи по сусекам!

АГРАФЕНА. Я сейчас!

Аграфена торжественно извлекает из сумки бутылку водки.

НИНА. И молчала!

АГРАФЕНА. Мужу на годовщину купила.

В этот момент входит Дженифер. В ужасе смотрит на бутылку. Все замолкают.

НИНА. Мы тут... на сосну лазили Москву смотреть. А это, чтоб не страшно.

ДЖЕНИФЕР (*слабеющим голосом*). Лэдиз, атэншн, плиз. Прошу построиться в линия. Мистер Кинг просил вас ждать остаться. (*Обреченно.*) Он все обдумать и скоро принять решение.

С этими словами Дженифер неожиданно грохается в обморок.

АГРАФЕНА. Батюшки! Чего это с ней? Опять заснула?

Таня хватается папку и начинает махать над Дженифер.

ТАНЯ. Мы ничего такого не говорили! (*Любе*). Вентилятор твой где?

ЛЮБА (*отмахивается*). Да от него толку! Это обморок! (*Софье Андреевне*).

Может ей твоих сердечных капель?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя! Мы не знаем диагноз. Надо звонить в скорую! И предупредить, что она иностранка.

НИНА. Может, его позвать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Правильно!

Аграфена брызгает на Дженифер водой. Нина направляется к двери, но в этот момент Дженифер оживает.

ДЖЕНИФЕР (*истерично*). Не надо! Не ходить к мистер Кинг! Не говорить ему! Я вам запрещаю!

НИНА. Ну, все, стою, стою, ты не волнуйся, главное...

ДЖЕНИФЕР. Он не должен видеть, как мне больно!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Где больно? Сердце?

ДЖЕНИФЕР. Нет. Вот здесь. Мне болеть ваш бренд.

АГРАФЕНА. Какой еще бред?

ДЖЕНИФЕР. Душа...

ВСЕ (*переглядываясь*). Душа?

Дженифер резко встает, приводит себя в порядок.

ДЖЕНИФЕР (*снова переходит на официальный тон*). Это личное. Извините. Я была не должна. I beg your pardon! Извините еще раз. Я переволноваться, потому что именно сейчас мистер Кинг делать свой выбор.

НИНА. Да мы уже все обдумали и выбрали. Другое у нас тут кино. «В банде только девушки» называется.

ЛЮБА (*уточняя*). Плохие девушки!

НИНА. Тире – роскошные женщины!

ДЖЕНИФЕР. Вы все – банда?

НИНА. Передай мистеру... в общем, не пойдём мы замуж. Это как кафешку на Луне открыть: все хорошо, но атмосферы нет.

ДЖЕНИФЕР (*в изумлении*). Вы отказывать мистер Кинг?!

НИНА. Хороший он мужчина, правда, хороший, но не лев. Не нужен нам греческий берег, и Африка нам не нужна! (*К подругам.*) Правильно я пою?

Женщины выражают одобрение.

НИНА (*Дженифер*). Понимаешь, нам тут своих в люди выводить надо.

ДЖЕНИФЕР (*в глубоком возмущении*). Вы... вы... вы не смейте говорить мистер Кинг не лев! Он самый сильный, самый красивый, самый... я забыла слово... он сам себя ранить!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ранимый.

ДЖЕНИФЕР. Да! И он бывает... как это сказать... дрожать как лань!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Трепетный.

ДЖЕНИФЕР. Да!

АГРАФЕНА (*Софье Андреевне*). Как ее зовут, я забыла?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Дженифер.

Аграфена подходит к Дженифер.

АГРАФЕНА. Ты не переживай так, Женя. Вон как исхудала!

ЛЮБА (*Дженифер*). Скажи, ты ведь любишь его? (*Пауза.*) Поэтому и просила нас не петь, не плясать, блокнот завела?

Дженифер переводит взгляд с одной соперницы на другую. Затем закрывает лицо руками.

ДЖЕНИФЕР. Я не должна вас грузить...

НИНА. Лучше выговорись! А то бомбейская картошка, японские пельмени и привет! Так тебя точно синица нападет!

ЛЮБА. Тебя ведь это мучит! Увидишь, станет легче.

ДЖЕНИФЕР. Я была студентка, изучала русский язык, а он тогда еще преподавать. Я полюбила его так, как может любить некрасивая женщина. Один раз и на всю жизнь. И он мне ответил! Любить красавицу может любой. Любить меня – нужна фантазия. Это акт творчества. У мистер Кинг очень много фантазии! Ой, я забывать русские слова... от волнения... We couldn*t date openly. They had very strict regulations at the university.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*переводит остальным*). В университете были строгие правила. Они не могли открыто встречаться.

ТАНЯ. Так и у нас эти правила!

ДЖЕНИФЕР. Это называться forbidden fruit!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Запретный плод.

ДЖЕНИФЕР. Знаете?

НИНА. Знаем, рвали.

ДЖЕНИФЕР. Этот плод имел неземной вкус... У моей бабушки на острове Парадиз, в переводе это рай, во дворе росла очень редкая груша. Похожа на ананас. У нее был такой же вкус. Но прошло время. Я окончила университет. Больше не было запрет, больше не надо было скрывать свои чувства... и...

НИНА. Груша (*изображает «усыхание»*) усохла?

ДЖЕНИФЕР. Чтобы сохранить этот вкус, мистер Кинг попросил меня всегда выглядеть, как студентка. I must keep fit! Keep fit!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*переводит остальным*). Она должна быть очень стройной.

ДЖЕНИФЕР. Но я очень, очень люблю есть! I love everything: meat, fish, vegetables, fruit, cookies, milk, chocolate, fast food! Hamburgers, chips, potato!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Даже гамбургеры?

ДЖЕНИФЕР (*показывает*). Кинг-сайз гамбургер!

НИНА. Поэтому (*имитирует дезодорант*) запах еды вытравливала?

ДЖЕНИФЕР. Я боюсь... как это сказать...

ЛЮБА. Сорваться?

ДЖЕНИФЕР. Да, однажды я не выдержала и устроила... я забыла слово... обжр...

НИНА. Обжираловку?

ДЖЕНИФЕР. Я съела все, что я хотела: мясо, рыбу...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не перечисляй, мы поняли.

ДЖЕНИФЕР. I had terrible stomach-ache! I had to go to the hospital.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(переводит)*. Попала в больницу.

ДЖЕНИФЕР. Я лежать в больница неделя... *(Пауза.)* Я очень любить есть. Но мистер Кинг я любить больше. Поэтому я сидеть на диета женщин племени Черная Мамба.

Люба хватает ручку и блокнот, чтобы записать про диету.

ДЖЕНИФЕР. Это самая страшная диета в мире! Женщина съедать лишний кусочек, и главный шаман ее тут же съедать на обед!

Люба бросает ручку.

АГРАФЕНА. Бедные мамбы! Ты посмотри, что творится! Вот откуда мужской шаманизм пошел!

ТАНЯ. Может, он людоед?!

ДЖЕНИФЕР. Нет-нет! Ему нравится, как я выглядеть. Он на меня смотреть и... как выразить наивысшую степень восторг?

ТАНЯ. Балдеет, в общем!

ДЖЕНИФЕР. Нет, он не дурак!

НИНА. Не дурак, не людоед. Чего с женитьбой так затянул? Не мальчик уже.

ЛЮБА. Женщина на глазах чахнет!

ДЖЕНИФЕР. У него идефикс! Жениться только в России!

НИНА. Так и поженитесь. Делов-то! А мы на свадьбе погуляем.

ДЖЕНИФЕР *(в отчаянии)*. Но я не русская!

НИНА. Ну, милая моя, у каждого свои недостатки. А давай с нами, за компанию. Здесь у нас своя диета.

Нина протягивает Дженифер пластиковый стаканчик с водкой.

ДЖЕНИФЕР *(нюхает стаканчик)*. Это нельзя пить!

НИНА. Это нельзя нюхать! Девчата, не раскисать! *(Выпячивает грудь.)* Синтепон вперед! *(Растопыривает пальцы над головой как корону.)* Включили звезду! И давайте за нас, красавиц!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*глядя на портрет С.А. Толстой*). За женщин, которые помогают гениям! За нашу великую литературу! Стоя!

Женщины чокаются, пьют. Дженифер сильно кашляет.

НИНА (*Дженифер*). Закусывай, закусывай! (*Аграфене*.) Отрежь ей!

Аграфена протягивает Дженифер ломтик грудинки.

АГРАФЕНА. На хлебушек положи.

Дженифер кладет грудинку на хлеб. Нюхает бутерброд.

ДЖЕНИФЕР (*с подозрением*). Неизвестный продукт?

НИНА. Не бойся! У Груни черный пояс по кулинарии!

ДЖЕНИФЕР (*пробует*). Я снова на острове Парадиз! Райское наслаждение...

НИНА. Это наш сникерс. Энергию дает! Съел и порядок: пять тюков шмотья в газель загружаешь на раз.

ДЖЕНИФЕР (*Аграфене*). Потом мне рецепт ваш сникерс... (*Поднимает стаканчик*.) Я уже могу грузить! Я очень люблю ваши поговорки и сейчас я сказать тост. Выпьем за то, чтобы... бабло победило зло! Я правильно сказать?

Все выражают одобрение.

НИНА. Молодец, Женька! А теперь переодевайся и к нему. (*Аграфене*.) Сарафан твой где?

Аграфена протягивает Дженифер свой сарафан.

АГРАФЕНА. Вот, сама вышивала.

ДЖЕНИФЕР. Вы думать, это поможет?

НИНА. Конечно, поможет. Он же русскую хотел? Березку?

АГРАФЕНА. Будешь Женя Синичкина!

ДЖЕНИФЕР. Я не березка. Я некрасивая...

ЛЮБА. Женька, сейчас кто-то так заснет! Ерунду не говори! Ты просто... очень мускулистая.

АГРАФЕНА. Пахать ему поможешь!

ТАНЯ (*протягивает пудру*). Усики припудрить...

НИНА. Некрасивых женщин не бывает! Бывает мало... в общем, у нас этого добра хватает. Давай, не раздумывай! Пока он литературно настроенный. Грунь, кокошник!

ДЖЕНИФЕР. Это тоже надо?

НИНА. В этом самый сок!

Звучат народные обрядовые песни, которые исполняются, когда наряжают невесту. Женщины помогают Дженифер надеть сарафан и кокошник. Дженифер с удивлением оглядывает себя.

ДЖЕНИФЕР. А что я скажу?

ЛЮБА. Скажи ему: сейчас или никогда!

НИНА. Лучше другое намекни. Если что не так, мы его тут встретим и такой кастинг устроим... Профайл свой не соберет!

АГРАФЕНА. Ой, смотрите, мигает!

Зажигается сигнальная лампа.

НИНА. Ну, с Богом.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Удачи. Увидишь, у тебя все получится.

ДЖЕНИФЕР (*со слезами на глазах*). Вам тоже удачи. Большое спасибо, мои дорогие русские сестры.

Дженифер обнимается со всеми. В дверях она еще раз оборачивается, машет рукой на прощание. Женщины машут ей в ответ. Наконец, Дженифер исчезает за дверью. Женщины вздыхают.

НИНА. Ну, что, девчата? Горько?

ВСЕ (*вздыхая*). Горько...

НИНА. Давайте (*показывает в сторону двери*) за нее!

ЛЮБА. И за нас. *(В зал.)* За всех наших женщин! За красивых...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...умных...

НИНА. ...талантливых!

АГРАФЕНА. Которых в России не счесть!

ТАНЯ. И стоят они на студенном ветру, как березки в подвенечных саванах.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(приобнимаемая Таню)*. Гнутся, но не ломаются!

Софья Андреевна запекает «Во поле березка стояла». Подруги ее поддерживают, выстраиваются в дружный хор. То кружась, то снова вытягиваясь в одну хороводную линию, женщины-березки прощаются с нами.

И вот, наконец, появляется мистер Кинг – улыбочивый, позитивный, в элегантном костюме с бабочкой. И в ковбойских сапогах!

ЛАЙОН КИНГ. Диар лэдиз! А, что мы, как неродные? Сан-Мартино... оно на самом деле, как Самарская область на карте. И контурами, и вообще... Дорогие русские женщины! Привет, девчонки! Я, последний тульский ковбой, от имени своего тезки *(жест в сторону портрета Толстого)* и от себя лично, ответственно заявляю: вы все - Василисы Прекрасные, Елены Премудрые и Варвары-Красы! И хоть в литературе до вашего Льва мне далеко, кое в чем я его обошел! Я - опытный контактер! Все мои книги о чем? Про жизнь на далеких планетах. *(Указывает вверх.)* Не раз и не два пришлось с гостями оттуда *(показывает пальцев вверх)* хорошо посидеть, чтобы все по правде, чтобы атмосфера в романах была! Прилетят, тук-тук в окошко: «Лайон, хау ар ю? Написал чего новенького?» А я им: «Нет, братки, не готово еще. Через месяцок». А они: «Месяц у нас за три идет...» Так, с укоризной. И у каждого в четырех глазах по слезе. Ну, не выгонять же. Им тоже порожняком - без научных данных - мотаться неблизкий свет, бензин, накладные расходы... Зову в дом, начинаем общаться. У нас в Сан-Мартино – гости на порог – выставяй мартино, как рифма к слову «здрасьте», по-другому никак. И у вас этот обычай? А дальше уже - виски, текила, абсент, умная научная беседа. К чему я веду? Вы - не поверите! Инопланетные товарищи тоже ... вот как кнопка компьютера намертво залипает, если соус «Мечта хозяйки» капнет... И у вас бывает? Тоже хозяйки мечтают? Вот так и они западают на русских женщин! Их главный предводитель – Стальная Росомаха – мне признался: у него пять жен в пяти разных галактиках! Гарантия, что

они никогда в одной булочной не сойдутся! Перелетай, как говорится, радуйся! А он влюбился в русскую! Нарисовал ей сердце на поле турнепса, сорок на пятьдесят метров, красотища... Ученых-уфологов в город Кимры набежало... со всего света! На высокие отношения посмотреть. Ну, этот стальной мужик пуганет их из лазерного обреза - он у него прямо в руку вмонтирован - и идет на свиданку. Потому что только русская женщина способна на неземную любовь! А теперь я обращаюсь к русским мужчинам. Ваши конкуренты ближе, чем вы думаете! Однажды проснетесь, а жены нет. Похитили! Живой на небо взяли! Облагораживать другие миры. Вы – бегом на улицу, а от тарелки летающей только дымок. Кольцами. А в глазах – зелень непроглядная! Брачная атака! Все разом запали! Чтобы завладеть русской женщиной, им не лень и триста световых лет намотать! И еще. Думать, что инопланетяне похищают только девушек невест, вторая большая ошибка. Это же космос, а не поселок Новый Быт! Другая система координат! Чем старше женщина, тем она ...сытодержки...содержиты...да! Со-дер-жа-тель-не-е! Поэтому, мужчины, делаем выводы! И никогда больше не ошибаемся!

«...Когда ты взяла меня за руку, произошло чудо. Мир вокруг изменился! Потому что ты – моя судьба! Не отпускай меня, любимая», - об этом поет свое знаменитое «Only you» Элвис Пресли. И под эти пронзительные признания мистер Кинг выводит на поклон каждую из своих березок-невест.

Автор - Наталья Демчик

demchikn@mail.ru

8 906 720 48 44